

ВЕРШИТЕЛИ РЕАЛЬНОСТИ

СВЕТЛАНА СВИРИНА
ЖАН УВ ЛЕ РЮ

Вершители реальности

Светлана Свирина

Вершители реальности

«Animedia»

2022

Свирина С.

Вершители реальности / С. Свирина — «Animedia»,
2022 — (Вершители реальности)

ISBN 978-80-7499-414-2

Байконур, 1970 год. Стартовавшая с космодрома ракета таинственно исчезает, уступая место самым дерзким теориям о том, что же случилось с её командой. Герой книги — Арсен — гипердвойной гибрид в поиске своей идентичности. Рушится мир и ускользает его собственная жизнь, но водоворот событий стремительно набирает скорость и уносит героя в «Вечный покой» — мир людей из пропавшей экспедиции, где Арсену придётся пройти через захватывающий калейдоскоп волшебных видений. Найдёт ли он себя в дезориентированном квесте гипермиров, встроенных в цепочку невероятных событий?

ISBN 978-80-7499-414-2

© Свирина С., 2022

© Animedia, 2022

Содержание

Светлана Свирина, Жан Ив ле Рю	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	38
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Светлана Свирина, Жан Ив ле Рю
Вершители реальности
Роман

*Посвящается Дмитрию Ивановичу Свирину – человеку, который
знал цену мира и цену хлеба.*

*A mes parents, ma famille, mes amis qui m'ont soutenu, à mes maîtres,
du primaire à l'université, qui m'ont formé et guidé, à ma maîtresse exigeante,
la si belle langue russe, que je suis heureux et fier de servir.*

*Авторы выражают особую благодарность редактору Елене
Лаванант.*

Пролог

*Мельница Бога
Очень хороша.
Мельница Бога
Мелет не спеша.
Медленно, но верно
Ходит колесо.
Будет перемелено
Абсолютно всё.¹*

Генри Уодсворт Лонгфелло

Шестое февраля 1970 года. Раннее утро. Кромешная тьма скрывает степь от любопытных глаз. Сыро и холодно. Холод такой, что пробирает, несмотря на дублёнки и меховые сапоги, но дышать легко. Счастье – дышать полной грудью на привольной земле!

Неожиданно во мраке прорезалась слабая розовая полоска. Луч света подобрался к холмам, лежащим где-то там, на горизонте, и очертил их правильной кривой. Потом, крадучись, обрисовал слабыми ломаными линиями циклопические монолитные здания. И уже через несколько секунд играл розовой охрой на асфальтированной, прямой, как стрела, дороге, разрезающей необъятную степь пополам. В её конце появился вздымающийся силуэт импозантной колонны, заострённая верхушка которой засияла звездой. ПЯТИКОНЕЧНОЙ ЗВЕЗДОЙ! И казалось, что жизнь вот-вот закипит, зазвенит и разнесётся по всей этой необъятной глади. Но нет. Всё замерло, от очертаний зданий на горизонте до колонны. Лишь луч света, подрагивая, мечется по стальным, белым от инея креплениям, и ярче вспыхивает КРАСНАЯ ЗВЕЗДА, посылая мгле первый привет. Колонна ответила ему:

– 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1... Старт!

Резко откинулись силовые балки, клубы белого пара мгновенно растеклись по пространству, сопла наполнились огнедышащим пламенем, и ракета внезапно замерла в воздухе, потом резко набрала инерцию и ослепительной стрелой взмыла в небо, оставив за собой лишь гул летящего на сверхзвуковой скорости истребителя и озарив ярким светом затаивших дыхание наблюдателей. Затем темнота вновь поглотила степь. Во мраке чётко вырисовывался удаляющийся огненный цветок.

Рассекая пространство, космический корабль нёсся прочь от Земли – во вселенскую даль, с конечной точкой приземления на Луне.

– ...Высота перигея орбиты 275 километров, высота апогея – 469... – разносились по степи бодрые возгласы из динамиков, заглушая бурные аплодисменты.

Но могучая космическая бездна завладела ракетой: не разрушила её, а – просто поглотила навсегда...

---

¹ Перевод Якова Фельдмана.

Глава 1

Consumor aliis inserviando²

– Что такое поступок? Что раскрывает сущность поступка? Какова цель поступка и есть ли она вообще? В чём изначальный смысл реализации действия: в его объективной причинности или субъективном прошлом? – Приятный, учтивый баритон с лёгкой хрипотцой замолк.

Только эхо прозвучало в проходах галерей.

Аудитория безмолвствовала. Молодой человек, выдержав паузу, продолжил:

– Профессор Камус в своих суждениях в качестве числителя использует термин «мощное психологическое следование», то есть развитие истинных логических оснований, могущее породить сопереживание индивидуума. В нашем случае понятие «психологическое следование» включает узкий, в силу положения правовых институтов общества, метод характеристики поступка – сам индивидуум в его плоской проекции. А если «плоская проекция» не вписалась в общепринятые нормы, тем самым она перестаёт существовать как превентивная мера. Возникает, однако, правомерный вопрос: насколько легитимен традиционный метод вписывания исследуемого объекта в устаревшие рамки? В поставленном вопросе уже образовался числитель: «мощное психологическое следование» плюс традиционные принципы.

Тут молодой профессор Волошков Арсен Аркадьевич-Робертович умолк, глотнул воды и продолжил баском:

– Со знаменателем не так просто, ибо это фундаментальное ядро заложенной прошлыми поколениями причины. А причин, как вы знаете, господа, бывает... множество, и отделение прямой причины от последствия – главная задача генопсихиатра.

Лектор окинул взглядом однообразную публику и возобновил повествование:

– Ещё Вернадский утверждал, что человеческая личность, как, впрочем, и всё в окружающем нас мире, – не случайность, и создаётся долгим ходом эволюции прошлых поколений. Значит – знание действия зависит от знания его причины и включает в себе последнее, и это путь к глубочайшим пластам генопсихиатрии в частности – и человеческой природы в целом. Мы – неотъемлемая часть природы и должны следовать её законам, которые, как ни парадоксально, нами ещё не изведаны. Однако в данной области исследований существует достаточно определённый интуитивный контакт с объектом нашего анализа. Уже имеется в наличии, ещё до приведения доказательства, интуитивное представление, которое в большинстве случаев оказывается верным и наталкивает на мысль об определении научной области и построении методов работы, – подвёл итог первой части выступления Арсен Аркадьевич-Робертович.

– Просто сумасбродство – копаться в генетическом коде, чтобы выявлять причины и следствия трансгрессирующего индивидуума! – решительно встав по стойке смирно, выпалил господин Колосов. – Так можно зайти неизвестно куда, запутаться и запутать в конечном счёте общество: уклады, устои, закон, чёрт возьми, формировались ещё со времён первобытной общины, – продолжил он, дополняя речь пружинистыми полупоклонами и держа по швам руки со сжатыми кулаками.

«Как отбойный молоток!» – подумал лектор и внутренне усмехнулся.

---

² «Светя другим, сгораю сам» (Николас ван Тьюльп).

– Это слишком радикально и революционно. Идея пахнет бунтом... – добавил более спокойно с галёрки, даже не давая себе труда встать, господин средних лет с изящно подстриженной эспаньолкой с проседью.

– Маргинал! – выкрикнул кто-то с верхнего яруса напротив.

– Люди никогда не испытывают угрызений совести после поступков, вошедших в обиход их семьи! – раздалась ещё одна колкая реплика из середины зала. «Лучше переносить незаслуженные оскорбления, нежели чувствовать справедливые укоры совести», – промелькнуло в голове Арсена Аркадьевича-Робертовича, и он слегка улыбнулся.

– Ученый должен стремиться выслушать любое предложение... – возразил молодой человек, – или критику, но прошу заметить, что я почувствовал гнев некоторых оппонентов, поэтому хочу уверить присутствующих, что спорю за истину – не за себя. Считаю своим долгом напомнить, господа, что понятие «генная инженерия» изжило себя в современном смысле этого слова, – невозмутимо продолжил лектор. – Это даже не перспективная отрасль. – Тут говорящий развёл руками и сделал медленный поворот на триста шестьдесят градусов, внимательно осматривая аудиторию и стараясь контролировать ситуацию.

– Мы уже давно научились клонироваться, улучшая собственный генетический потенциал; и, как следствие, понятие равноправия полов вышло в финальную фазу: вопрос закрыт и больше не обсуждается. Именно так – нет вопроса, – спокойно продолжал Арсен. – Но стало ли человечество гуманнее?! Вопрос простой, но первостепенный. Почему до сих пор, с точки зрения закона, происходят преступления? Кроме того, все естественные науки имеют неизбежный недостаток – рассматривают природу вещей исключительно с объективной стороны, забывая о субъективной. А может быть, субъективная часть преступления скрыта тайнами генетической памяти? Ответьте, господа, на ещё один проблемный вопрос.

В зале воцарилось молчание.

– Я совершенно согласен с тем, – продолжал оратор, – что развитие научной мысли невозможно без столкновения мнений, без споров, дискуссий и нюансов, поэтому предлагаю председателю научной комиссии – профессору Климану – ответить на него в свете возникших разногласий, во имя истины, подтверждённой доказательством.

Последовала пауза, в течение которой профессор Климан обвёл взглядом всех взбужденных членов комиссии. Он наморщил лоб, потёр подбородок, взъерошив седую бородку длинными жилистыми пальцами... В этой медлительности не было желания высказаться, но все взгляды обратились на него, вынуждая к речи. Заложив ногу за ногу и скрестив руки на груди, он начал с некоторой медлительностью:

– Если любопытство касается серьёзных проблем, то оно именуется жадой познания, и мне импонирует то, что молодой человек, так сказать, продолжил строить фундамент в увы, совершенно безнадёжной области. Мне довелось работать с профессором Камусом. Мы исследовали активацию митохондриальной плазмиды для регуляции генной активности в онтогенезе одной человеческой субрасы. И что странно: эксперименты на животных проходили успешно, и нам удалось перекодировать биохимию внутреннего механизма заданного объекта с заранее благоприятными свойствами, однако на клоно-людях не удалось активировать ни одной н. п.³ Встроенная чужеродная ДНК реплицировалась так, как будто являлась обычным компонентом супрессивного режима. Пришлось вывести новый подтип клеток: смесь человеческого и животного генотипа. Из нескольких миллиардов проб удалось активировать несколько н. п. И вы вправе спросить: «У кого?» У раннего палеоантропа! Мы долго не понимали – почему? Так вот, ответ пришёл гораздо позже. Так родилась псевдотеория «сильного психологического следования». Генетическая память не дала активировать код – мы оказались в тупике. Но по прошествии времени я понял, что был нащупан фундамент чего-то необычного

---

³ Пары нуклеотидов.

и исключительного. А ответить более полно на поставленный вопрос – не в области моей компетенции. Это, так сказать, истина, помноженная на сомнение, относящаяся к разряду догадок. Кроме того, прошу заметить, что вопрос слишком масштабный и полиморфный.

Профессор охватил колено руками и обвёл зал хищным взглядом:

– Я полностью согласен с оппонентом – понимание действия зависит от знания его причины и включает в себе последнее. Причина в данном случае достаточно чётко обозначена, но, в свою очередь, могу лишь предложить долю скептицизма, которая экономит время...

Присутствующие с затаённым дыханием следили за каждым жестом оратора. В их взглядах можно было прочесть, что они заранее догадывались о том, что скажет профессор.

– С одной стороны, в нашем деле оригинальность ценнее, чем правота, – элемент абсурда должен присутствовать в науке тоже, не спорю, – продолжал председатель комиссии. – Довольно долго мы изучали природу вещей через финансовые либо информационные отношения виртуальных миров. Возможно, пришло время начать изучать сущее через призму «сильного психологического следования». Понять причины зарождения трансценденции в генетических слоях. – Он замолчал, почесал подбородок и замер, наслаждаясь собственными словами.

Новая напряжённость овладела залом, и все присутствующие невольно попытались проникнуть в ментальное пространство профессора Климана. Ответа не последовало. Воцарилась звенящая тишина. Ассистент профессора Мелькина – Арсен Аркадьевич-Робертович Волошков – заметил отсутствие реакции оппонента и попытался привлечь его внимание.

– Вы нисколько не осуждаете моё видение положения вещей, и даже наоборот, подчёркиваете необходимость встречного шага? – осторожно спросил он.

– Первой обязанностью председателя комиссии, как я понимаю, является высказывание слов чистого убеждения, как бы горьки они ни были, – извольте. Как известно, ни одну проблему нельзя решить на том же уровне, на котором она возникла, – продолжил профессор Климан с бóльшим энтузиазмом. – И для зарождения новой научной ветви нужна база не только научная, ибо всякий последующий поиск исходит из ранее имеющегося знания, но и правовая, и эстетическая. И бог с ней, с правовой! Но вот в чём проблема: подобно врачам, дающим клятву Гиппократу, мы, геноинженеры, в начале своего пути даём клятву биоэтическую. Кроме того, со времён эпохи виртуального мира биоэтика претерпела изменения, которые не позволяют сохранение старого идеала: служения знанию ради самого знания.

Профессор обвёл всех внимательным взглядом и продолжил:

– Я подозреваю, что произвольное изучение вышеизложенной проблемы несовместимо с биоэтикой, которая играет роль буфера и развивает науку, дабы обогатить её полезными знаниями, с минимумом ошибок и без неумеренного использования прав и возможностей. Я придерживаюсь данного определения и согласен с укладом установленных правил демократического общества. Хочу определить смысл вышесказанного, который даже для меня остаётся несколько неясным. Так как совокупность проблемы, обозначенной моим оппонентом, и биоэтических норм носит дивергентный характер, то на обсуждение вышеизложенного потребуются не одна комиссия и не один инспектирующий орган. Все дальнейшие исследования не должны противоречить нормам нравственности, ибо нравственность, оторванная от жизни, – аморальна. Мы должны опираться на разумное равновесие между общей идеей и содержательной предметностью, не форсировать природные процессы, а идти с ними в ногу, синхронно и интуитивно, иначе получим «Шарикова», и придётся есть его с кашей, – торжественно провозгласил профессор Климан.

В зале там и сям раздались ехидные смешки.

– Знать – это подтверждать положение фактами или доводами, и, кроме того, требование научной этики – доказательность... Вы лишаете меня этой возможности, – осторожно, но с нажимом подчеркнул Арсен Аркадьевич-Робертович. – Кроме того, считаться с фактами,

которые я вам предоставил из экспериментальной практики, а не с необъективными суждениями, являет собой первое требование и науки, и подлинной нравственности...

– Увы, правила нравственности не содержатся в знаниях о закономерностях, они – вне её. Здравомыслящая деятельность отличается от бессмысленной только тем, уважаемый друг, что первая классифицирует рассуждения по значимости и важности, – всему своё время, коллега. А пока я вам советую вспомнить Дюма, который заключил, что вся человеческая мудрость сведена к двум словам: «Ждать и надеяться». Я же, со своей стороны, подготовлю заявку на определение фактора безопасности деятельности лаборатории в генеральный консилиум бионики при Совете Безопасности Земли, – парировал Климан.

– Спасибо. Я работаю один – нужно лишь разрешение для использования биологического материала.

– В заявке на допуск нужно чётко указать область научных исследований. Вы определились с нею, друг мой?

– Этой области не существует – поэтому вы здесь.

– Вы резки и упрямы в размышлении, коллега – это оттого, что не знаете, какими разными путями может идти мысль. Исследователь должен обладать практическим чутьём, подсказывающим ему, что в течение многих лет главным результатом поиска будет не открытие какого-либо закона или, скажем, метода, а – содействие рождению новой идеологии, затрагивающей многие, если не все, сферы жизни. Он должен соответствовать новому кругу идей и понимать – раз ему удалось оказаться дальше тех, кто трудился до него, то и проделанная работа неотвратимо послужит фундаментом для будущего развития и, возможно, предопределил новый виток в эволюции общественной, а может быть, даже и политической жизни. – И председатель научной комиссии окинул всех заседающих пристальным взглядом.

– Есть вопросы?

В зале воцарилась полная тишина.

– Моё исследование берёт начало в мышлении, строится рационально, но искренне, – проговорил Арсен Аркадьевич-Робертович спокойно. – Пока оно не даёт очерченного круга теории, но возлагает на себя полную ответственность за жизнь, с которой сталкивается, и побуждает посвящать себя содействию этой жизни.

– Полезность и сентенциозность вашей идеи нисколько не доказывает её верности, так же, как состояние высшего удовлетворения, испытываемое сумасшедшим от своей *idée-fixe*, нисколько не говорит в пользу его благоразумия, – ответил профессор и ухмыльнулся.

– Спасибо, вопросов больше нет, – ответил Арсен Аркадьевич-Робертович.

– Заседание научной коллегии считаю закрытым.

Члены комиссии вскочили, зашелестели плащами, загремели стульями и, кратко простившись, заторопились к выходу. Через несколько минут зал был практически пуст.

– Иные проявляют храбрость, не имея её, но нет человека, который бы проявлял остроумие, не обладая тонким умом! Искренне рад с вами познакомиться, меня зовут Франсис Сантос, – сказал задумчиво улыбающийся господин небольшого роста и протянул руку.

– Спасибо. Я умею держать удар, – громко произнёс молодой учёный и ответил крепким рукопожатием.

– Волнующая беседа! Мне понравилось. Я знал вашего отца. Он тоже был в некотором смысле авангардистом. Рад, что у него такой бесстрашный сын!

– Отца уже нет.

– Очень жаль. А знаете – кто охвачен желанием найти истину, сам проложит правильный путь, наставлениями не поможешь, вот разве что образцом для подражания, внутренним побуждением, которым обладал ваш родитель. Кстати, своим примером он доказал, что лучше в одиночку держать верный курс, нежели заблуждаться в толпе... Coragem! – сказал новый знакомый и неспешно удалился.

Арсен Аркадьевич-Робертович остался один посреди круглого зала, переводя взгляд с одного предмета на другой. Голограмма мелькала зелёными картинками, приглашая пустой зал к увлекательному просмотру. Арсен Аркадьевич-Робертович физически ощутил присутствие многочисленных врагов, которые уже сплотились против него.

«Так, именно так. Доля безумия присутствует во всём этом...» – машинально отметил он про себя.

– Значит, многоуважаемая комиссия не хочет проложить путь к глубочайшим пластам человеческой сущности? – выкрикнул лектор в пустоту и театрально поклонился.

Арсен Аркадьевич-Робертович удалил запланированный просмотр и вышел вон.

Глава 2

Semper mors subest⁴

Яркое, но безжизненное солнце сверкнуло в лицо Арсену. Его охватил пронизывающий знойный ветер, не приносящий прохлады. Он отшатнулся и, пригнувшись, решительной походкой направился к глайдеру⁵. Ветер яростно теребил плащ, срывая его с владельца, который длинными, цепкими пальцами придерживал на груди помятую чёрную ткань, стараясь уворачиваться от сильных порывов. Потребовалось довольно много времени и усилий для того, чтобы Арсен смог наконец добраться до глайдера. С усилием открыв внешний люк, он проник в кабину и распахнул плащ. Песок посыпался с одежды на пол, шелестя наподобие капель дождя. Вскоре вокруг него стала образовываться изрядная горка песку. Он долго стоял и с удовольствием слушал мерные звуки. Кап... Кап... Внутри него что-то оборвалось, что-то всплыло. Арсен переступил через кучу песка и плюхнулся в командное кресло. Песок стал сыпаться из глубоких складок одежды. Снаружи песчаная буря достигла своего апогея. Шквальные порывы ветра засыпали глайдер, превратившийся в полукруглую дюну. Слабый постукивающий шум окружил глайдер. Через пару минут Арсен уже не мог ничего разглядеть. Он только слушал. Фоновый шум усиливался. Этот глубокий, щекочущий слух, заостряющий внимание шёпот помог Арсену успокоиться и войти в состояние анализа. Он даже не обратил внимания на загоревшуюся красную точку на системной панели, оповещавшую о включении функции дополнительной устойчивости глайдера.

Воспоминания уводили далеко – во времена юности. Огромный мануар, элегантный и простой. Большой салон, выложенный паркетом красного дерева и морёного дуба, с изумительной инкрустацией. Стены, отделанные белым гранитом, высокие кессонные потолки с лепниной. От пола до потолка готические витражи, льющие весёлый радужный свет на мягкую мебель, обитую тканью с бледными викторианскими розами, маленький лакированный столик с изогнутыми ножками, старинные чашки тонкого фарфора с лиловым узором, серебряный чайник, источающий аромат бергамота, и ажурную сахарницу с щипцами; потом высвечиваются изящные стулья с гнутыми ножками и стеллажи до потолка, заполненные редкими старинными фолиантами. В дальнем углу, где царит полумрак, в кресле под гобеленом полулежит человек с раскинутыми окровавленными руками и тяжело хрипит. Натужное осипшее дыхание время от времени прерывается, потом слышится снова и опять затихает. Слабым жестом руки лежащий просит, чтобы к нему подошли. В противоположном конце салона мальчик лет двенадцати колеблется, потом всё-таки решается ответить на призыв. Превозмогая страх, медленно и неслышно подходит, становится на колени и охватывает ещё почти детскими пальцами окровавленную руку. Слезы застилают глаза; ребёнок пытается чаще моргать, чтобы не показать своего горя, но не выдерживает, и крупная капля стекает по бледному лицу и падает на пол. Кап... Подросток целует руки старика и прижимает их к лицу. Потом его начинает бить дрожь – всё сильнее и сильнее, но ребёнок не чувствует этого, целует старческие руки, слизывает кровь, трётся лицом о ладони, как преданная собачонка. Но ничто уже не поможет. Челю-

---

⁴ «Смерть всегда рядом».

⁵ Летательный аппарат.

век вздохнул глубоко и в последний раз светло улыбнулся – в глазах не было страха, только сожаление. Он прохрипел:

– Сынок, храни свои знания у себя, подобно часам – во внутреннем кармане; никогда, слышишь, ни в коем случае не демонстрируй их, как показывают часы, лишь с тем, чтобы ими похвастаться.

Рот и глаза старика так и остались открытыми. Он больше не издал ни единого вздоха. Мальчик теребил руки отца, кричал, звал его по имени. Безрезультатно. Тогда он стал кусать его пальцы, давать ему пощёчины. Тело медленно остывало...

Витражи источали слабый сумеречный свет, когда подле умершего старца нашли мальчика в прострации. Кап-кап... После сильного дождя с высокой крыши большого, уютного дома и с листьев развесистых многовековых деревьев окружающего сада стекала капель...

Арсен открыл глаза. Сердце было охвачено горестью, и одинокая слеза застыла на левой щеке. Он небрежно смахнул её и постарался овладеть собой.

«Возьми себя в руки и продолжай анализировать! – мысленно приказал он себе. – Не поддавайся мимолётным слабостям. Будь внимательнее и не предпринимай ничего без цели. Всё соизмеряй и сравнивай. Начнём. Вводная часть заинтриговала слушателей, я даже заметил несомненный интерес к беседе и научной новизне. Первая часть доклада вызвала бурную дискуссию, закончившись полным провалом. *In cauda venenum*⁶. Климан, Климан. Да, тяжесть доказательства лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицает. В любом случае, что я потерял? – продолжал разбирать своё выступление Арсен. – Друзей? Их и не было. Коллег? Они даже не дали мне закончить доклад. Положительно в этой ситуации лишь то, что я узнал мнение аудитории, не изложив своего. Что забавно – почему многоуважаемая коллегия даже понятия не хочет иметь о путях к глубочайшим пластам человеческой сущности? Что же такого страшного я сказал? Хотя... Весь этот спектакль, а иначе его и не назовёшь, оставил странные внутренние ощущения...»

– Списали со всех счетов... – подытожил вслух юноша.

В ответ на последнюю мысль Арсен стал углубляться в яркие воспоминания о детстве, проведённом с отцом.

«Отец был прав, говоря, что в труде учёного неизмеримо больше напряжения, разочарования, обманутых надежд и ожиданий, непрестанного преодоления трудностей, возникающих одна за другой», – размышлял он, прислушиваясь к завываниям снаружи.

«Когда при знании фактов наталкиваешься на вопросы: почему – отчего, их непременно надо интерпретировать – стремясь во что бы то ни стало найти решение, каким бы оно ни было», – убеждал себя молодой учёный. Да, ничто не даётся даром в этом мире, и приобретение знания – труднейшая из всех задач, с которыми сталкивается человек... Такое ощущение, что я иду к знаниям, как иду на войну – все чувства обострены, душа охвачена страхом и одновременно решимостью и отвагой. Любое отступление от этого правила – роковая ошибка. Я несу ответственность за свои интересы и свободен принести себя в жертву по собственной воле. Моё решение имеет моральную ценность, и скорее можно попытаться уничтожить мир, нежели вырвать из моего сознания эту идею. Уже замешан бетон знаний, и я, бесспорно, обладаю способностью к тонкой изобретательности. Я должен неумоимо стремиться вперёд, ни минуты не стоять на месте, если хочу добиться исполнения задуманного. Нужно воплотить в жизнь начатое; найду заброшенную планету где-нибудь на окраине и буду работать инкогнито. Людей всегда хватает. Они даже будут рады... узнать, кто они есть на самом деле.

Юноша улыбнулся. В его глазах вспыхнул свет.

– Между тайным и явным расположена область научных исследований! – произнёс он вслух, гордясь принятым решением.

---

⁶ «В хвосте – яд».

Песчаная буря стихала. Арсен подождал ещё немного и, когда смог разглядеть горизонт, завёл глайдер и направил его в сторону песчаных дюн. Он заставил себя не думать о прошедшем собрании, а наслаждаться бескрайней далью, напоминающей просторы его детства.

Немая планета Сарыч, так называли R745N8, некогда зарегистрированная как необитаемая, находилась на периферии галактики и, по недавним подсчётам специалистов по гравитации, подвергалась опасности быть поглощённой одной «новообразовавшейся» чёрной дырой. Новоустановленное место встречи учёных было выбрано не случайно: любое волновое отражение ловилось гравитационным эффектом и именовалось слепым местом.

Он пристально вгляделся в необъятный простор. Дырявый ветряной мешок распластал серпы дюн, разбросанных на многие километры. Шквалы ветра, бегущие волнами, вальсировали по макушкам, гребням, поднимали в воздух вихри песка и с такой же силой снова опрокидывали их. Арсен невольно залюбовался естественной красотой скольжения и равновесия...

«Гармоничное перемещение с абсолютной степенью свободы без сомнительных, принуждающих контрактов и ущемляющих договорённостей!» – заключил он в ответ на новый порыв ветра.

В старом мире ему не хватало этого бескрайнего размаха. Арсену претила закатанная в асфальт Земля, бетонные пролёты, подпирающие нависшее свинцовое небо, уже несколько тысячелетий укрывающее демографические пандемии Старого Света. Индустриальная экономика с «чистыми потоками благ» лишила семью функции основной экономической ячейки общества, а демократия, пронизавшая абсолютно все сферы и слои общества, уже не могла навязать концепцию рационализма населению. Неуёмная жажда превосходства в глазах как отдельного индивидуума, так и всего общества размывала ограничения на рождаемость, наложенные природой. Генное клонирование – перестройка типа рождаемости с последующей трансформацией в киборгов, несколько раз за последние тысячелетия грозило перерасти в геометрическую прогрессию и, к счастью, подавлялось регрессионными экономическими волнами, связанными с ограниченностью астероидных ресурсов. Дисфункциональное убеждение в том, что интеллект будущих поколений должен превосходить интеллект прошлых, а не только их профессиональные навыки, исказило коллективный разум и адаптационную систему генетических алгоритмов и привело к сбою источник логического мышления человека – коллективное сознательное. «Занавес неведения» был налицо: человечество «прозрело» в техногенном плане, но не выработало знаний о мире, даже тех, которые представлялись «естественными» и врождёнными. На практике социальное общество так или иначе действовало в интересах определённых групп людей...

Арсен посмотрел на указатель местонахождения.

«Гиблое место, ни одной живой души на как минимум 150 а. е.⁷, если не принимать во внимание тридцать расходящихся точек на мониторе пирометра».

Мысль ему очень понравилась. Слишком давно молодой человек не устраивал себе такие подарки.

«Свободное, совершенно свободное, никому не нужное пространство!» – он пришёл в восторг.

...Молодой учёный улыбнулся, приземлившись на гребне одной из гигантских дюн. Солнце садилось за горизонт, и первые тени устрашающе очерняли золотые формы по контрасту с багровым песком с лёгким охряным ободком на фоне изумрудного неба. Арсен подумал, что подобной естественной красоте нет более места в старом мире. Он пожалел об отсутствии кислорода. Пришлось ограничиться просмотром через стекло лобового иллюминатора. Смоляные тени продолжали подбираться к глайдеру, как охотящиеся кошки – неслышно, тревожаще, и изумрудное небо меняло колорит на иссиня-чёрный.

---

⁷ Астрономических единиц.

«Да, – подумал Арсен, – чёрная дыра уже близко. Сколько же времени осталось этой обречённой системе?»

Теперь он уже не жалел, что остался в глайдере. Молодой человек всматривался в черноту горизонта. Его необъяснимо тянуло туда.

«Чернота – не пустота, нисколько не пустота, – размышлял он, – даже наоборот... Намного выше, осмысленнее, чем мы можем себе представить! Сколько благородства в этой черноте! Она знает о нас всё, а мы о ней – ничего. Даже самые чёрные наши мысли ей известны – такого же цвета. Есть ли хоть одна тайна, которую она не поглотила? Возможно, есть – тайна, с которой они заодно...»

Глава 3

In me omnis spes mihi est⁸

Арсен очнулся от пронзительной головной боли. Она свистела в ушах, звенела у висков и ноюще отдавала в суставы, вызывая мучительную ломоту. Во рту у него пересохло.

– Ах-х-х! – раздражённо выдохнул он слабым голосом и приоткрыл глаза.

Стояла кромешная тьма. Его руки попытались ухватиться за пустоту, но тщетно. Страх подступил внезапно, сковал дыхание, под ложечкой неприятно засосало, тело охватил омерзительный холод.

«Самообладание, выдержка, хладнокровие...» – преодолевая страх, уговаривал себя молодой человек.

Кое-как переведя дух и всё ещё ничего не соображая в непроглядной тьме, Арсен попытался за доли секунды понять ситуацию. Глубокая тишина нарушалась лишь его прерывистым дыханием. Он попытался успокоиться. Тишина усилилась. Бедняга попробовал на ощупь определить, где он. Песок, много песка, холодный пол, круглая рама, ещё одна, поворот...

«Боже, как холодно и одновременно душно. Невыносимо хочется пить... Слабо запахло йодом...» – сообразил он и пополз на четвереньках – по стенке, в сторону этого запаха, преодолевая острую боль в суставах. Макушкой наткнулся на знакомый поворот – понял, что находится в своём глайдере. Он повернулся на спину, широко раскинув руки и ноги, и облегчённо вздохнул.

– Это мой глайдер! – попытался воскликнуть он, но получилось безжизненно и хрипло.

Арсен решил позволить себе немного расслабиться и отдохнуть. «Десять секунд, не больше...»

Потом хлопнул в ладоши, чтобы включить свет. Лампочка замигала, не реагируя на команду голоса.

«Система оповещения о чрезвычайном положении. Тьфу ты, чёрт» – хрипло выдохнул он.

В глайдере – полный разгром: навигационные приборы поломаны, пульт управления разбит вдребезги. Пол в медблоке залит йодом и кровью. Внутренняя поверхность глайдера покрыта следами засохшей крови.

– Включить систему навигации глайдера, – с усилием прохрипел Арсен.

Голосового ответа не последовало. На разбитой системной панели загорелся светодиод, извещающий о дисфункции навигации.

«Такое возможно только при аварийной ситуации» – пронеслось в голове.

Он постарался встать на ноги, но адская боль, мелькание бликов и мушек в глазах предостерегли от этой затеи. Его прошиб холодный липкий пот.

«Лучше по-пластунски, вернее будет», – подбодрил себя Арсен.

Добравшись до навигационного пульта управления, он разъединил контакты и подключил их к контрольной панели. Пот заливал глаза, смертельная усталость мешала сконцентрироваться. Руки дрожали. Он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание.

---

⁸ «Вся моя надежда только на себя».

«Нужна вода, – мелькнуло в мыслях. – Ползти как минимум четыре метра – но это необходимо. Попробую наладить дистанционный контроль...»

– Чёрт, не получается! – хрипло выругался он.

«Попробую по-другому» – Арсен принялся набирать системные команды.

Через секунду послышалось знакомое шипение.

– Включить бортовой журнал, – произнёс он, а сам медленно пополз в сторону пищевого блока.

Загорелась голограмма. Она показала отсутствие записи по ...10.134247.

– Что... 10.135244?

– Включить регистрацию аварийного бортового самописца.

– Запись отсутствует. Вы желаете начать регистрацию? – спросил приятный синтетический голос.

– Да, – хрипло, еле слышно ответил Арсен.

– В каком временном измерении? Астрономическое время по умолчанию.

– В новой системе единого времени.

– Регистрация бортового журнала стартовала успешно с ...10.135247.

Раненый дополз до пищевого блока. Консервные банки остались нетронутыми, как и вода. Он дотянулся до первой попавшейся полки и схватил бутылку. Сначала смочил губы, потом прополоскал рот. Истома охватила тело. Присутствие гравитации обнадеживало.

«Значит, я не в глубоком космосе. Дышится, правда, неважно. Почему была запущена система аварийной эвакуации? Здесь прослеживаются некие панические реакции», – заключил Арсен.

«Иллюминатор!» – промелькнула внезапная мысль.

Он ещё какое-то время оставался на корточках, смакуя воду. Потом, ощутив слабый прилив сил, осторожно, чтобы не расплескать её, пополз к боковому иллюминатору. Передохнул.

– Выключить свет.

Свет тут же потух.

Преодолевая боль, раненый начал медленно подниматься, опираясь о стенку одной рукой, а вторую приложив козырьком к глазам, вглядываясь в темноту. Он констатировал отсутствие какого-либо света снаружи. Полная тишина усугубляла и без того безнадёжное положение.

«Не поддаваться панике», – скомандовал он себе.

«Я заперт в корабле. Но в каком? Это предстоит выяснить... Самообладание начинает возвращаться», – тяжело опускаясь на пол, подумал Арсен.

– Включить свет.

Молодой человек позволил себе отдышаться, отдохнуть и, смочив губы водой, двинулся в входному люку. Скафандр перед выходом пришлось надевать как под пыткой. Но другого выхода не было – он не мог ходить, а скафандр мог также служить экзоскелетом. Подсветка глайдера помогла ему выйти из кабины и сориентироваться. Ещё одна приятная и успокаивающая новость: «Я на своём корабле! Всё-таки надо быть максимально осторожным. Может, я и не один... Нужно осмотреться...».

Включил освещение и направился в рубку управления кораблём. Огляделся.

«Все на местах за исключением пилота», – иронически отметил он. И хрипло скомандовал:

– Включить систему навигации.

– Ваш идентификационный номер?

Распознавательная голосовая функция не сработала.

«Что ж, придётся раздеваться». – Мужчина отключил функцию экзоскелета скафандра и положил руку на локальную поисковую панель.

- Системное управление разблокировано. Подтверждение ввода данных.
- Запустить функцию распознавания биологической единицы.
- Обнаружена одна биологическая единица на борту корабля.
- «Это обнадёживает...» – заключил Арсен.
- Запустить функцию работоспособности системы.
- Функция работоспособности системы стартовала. Энергетический баланс дестабилизирован: топливное обеспечение 10 %. Остановка первого двигателя. Снижение реактивной тяги 53 %. Располагаемая мощность при одном неработающем двигателе 45 %... Потеря импульса... Градиент падения статического давления на борту 10–10 бар в секунду. Нет данных об устройстве коррекции статического давления. Гироскопический эффект в норме. Биологическая выживаемость 0,01 %.
- Достаточно. Загрузить отсечку первого двигателя.
- Система отсечки двигателя вышла из строя.
- «Энергетические запасы корабля истощены... Даже если исправлю импульсное колебание – это не прибавит кислорода, которого осталось на несколько сотен временных единиц, – задумался Арсен. – Надо соображать...».
- Рассчитать длительность работы ускорителя при действующей системе.
- Прекращение работы ускорителя вследствие выгорания топлива через 120 временных единиц.
- Рассчитать скорость полёта в момент полного выгорания топлива.
- Скорость полёта в момент полного выгорания топлива равна 146 км/с.
- Что? – Кровь застыла в жилах Арсена, душа ушла в пятки. Руки, до того трясущиеся от усталости, вышли из-под контроля.
- «Спокойно. Самообладание в первую очередь».
- Вызвать функцию о передаче данных об эффективности ПИО⁹.
- Передача данных о работе ПИО в норме.
- «Час от часу не легче, – подумал Арсен, – чему верить? Корабль небольшой, но времени нет. И слабость. Думай!»
- Включить запись системных данных.
- Запись системных данных включена.
- «Такое ощущение, что я оказался там, где не должен быть...»
- Включить блок гироскопов.
- Блок гироскопов загружен. Функция навигации стартовала успешно, – синтетический голос продолжал, – местоположение по каталогу навигационных звёзд не обнаружено. Топология глубокого космоса. Обнаружено фрагментированное гравитационное поле методом радиолокализации экспериментальной спутниковой навигационной системы. Частотное сканирование не подтвердило дивергенции. Пространственное искривление 37. Нет соответствующих записей. Местонахождение не определено. Повторить функцию навигации?
- Нет.
- «Я не в лучшей форме, возможен геморрагический абсцесс – трясёт. Сколько мне осталось? Энергетические запасы корабля истощены. Я в какой-то коллапсовой пробке, которая находится где-то в глубоком космосе; пеленг с Солнечной системой просто невозможен», – мужчина грустно улыбнулся, сопоставив актуальную ситуацию с предыдущей на Сарыче.
- «Хорошо, будем решать все вопросы по мере их поступления», – решил Арсен.
- Включить общую коммуникацию.
- Общая коммуникация включена.

---

⁹ Приборно-измерительное оборудование.

Арсен направился в диагностический медицинский блок. Он позволил себе постонать от ноющей боли во всём теле, пока раздевался и залезал на операционный стол. Он и не подозревал, что всё его тело было в глубоких рубленых ранах.

– Сканер полного обследования с ретрокоммуникацией.

– Готов.

– Начать сканирование?

– Да.

– Осталось 1/24 временной единицы.

«Не спать, не спать...», – повторял он себе в ожидании приговора.

– Эпикриз пациента №... Dehydratio¹⁰, h. extracellularis¹¹, s. famelicus¹²; hyperpyretos¹³, anorexia neurotica¹⁴, синдром энергодинамической недостаточности сердца, tachycardia ventricularis¹⁵, аритмия... h. interstitialis¹⁶, h. secundaria tarda¹⁷, sclerodermia focalis¹⁸...

– Этиология: длительное нервное и физическое истощение, интоксикация вследствие огнестрельных ранений и ушибов тяжёлой формы...

– Лечение: неотложное стационарное посредством «большой» операции, О. purulenta¹⁹. Время оперативного вмешательства: 5 временных интервалов. Время лечения: 10 временных единиц. Запуск ретрокоммуникации. Ваше молчание рассчитывается как «да», иначе – «нет».

– Запрограммировать стазис?

– Время стазиса?

Здесь Арсен нажал на паузу с ретрокоммуникацией:

– Запросить общую программную систему через СОПМ²⁰.

– Система общего программного блока загружена через СОПМ.

– Запросить бортовой журнал общего программного блока через СОПМ.

– Запрос выполнен.

– Пульт управления навигационной системой передать медицинскому блоку.

– Системная ошибка: не соответствует принятому порядку. Системная ошибка: обнаружена нестандартная измерительная аппаратура.

– Загрузить перечень поправок по протоколу 14.

– Управление навигационной системой передано медицинскому блоку успешно.

– Включить систему передачи данных о работе ПИО.

– Система передачи данных о работе ПИО активирована.

– Включить регистрацию аварийных данных.

– Регистратор аварийных данных активирован.

– Включить автоматическую регистрацию параметров и аварийной сигнализации.

– Автоматическая регистрация параметров и аварийной сигнализации активирована.

Арсен, кряхтя, медленно поднялся и направился к локальному системному блоку. Потом собственноручно загрузил модуль защиты и перезагрузил общий системный блок.

---

¹⁰ Дегидратация.

¹¹ Гипогидратация внеклеточная.

¹² Кровь голодная.

¹³ Температура тела гиперпиретическая.

¹⁴ Нервно-психическое напряжение, анорексия невротическая.

¹⁵ Тахикардия желудочковая.

¹⁶ Кровотечение интерстициальное.

¹⁷ Кровотечение вторичное.

¹⁸ Склеродермия очаговая.

¹⁹ Операции гнойной.

²⁰ Система операционного программного модуля.

«Вот так-то будет надёжнее», – подумал он и медленно, морщась от боли, залез на операционный стол.

- Включить контрольно-записывающую аппаратуру.
- Контрольно-записывающая аппаратура активирована.
- Активировать телескоп внешнетраекторных измерений.
- Активирован.
- Активировать телескоп сопровождения внешнетраекторных измерений.
- Активирован.
- Активировать телеметрическую антенну с автоматической ориентацией.
- Активирована.
- Установить спутник доводки навигационной системы.
- Установлен.
- Установить автоматический радиокompас.
- Установлен.
- Установить квантовые радары точного наведения.
- Установлены.
- Установить комплексную аппаратуру пассивного поиска и обнаружения.
- Установлена.
- Установить систему дальней радионавигации.
- Радар-навигационная система установлена успешно. Энергия соударения. ИК²¹-излучение. Квантовое сканирование загружено. Запись регистрационных данных стартовала.
- Загрузить поисковую систему.
- Расчёт первого встречного приближения. Вероятность первого встречного приближения 150 временных единиц в новой системе единого времени. Вероятность окончательного приближения 200 временных единиц в новой системе единого времени в пересечении 0787546127310'84.
- Загрузить сканер авторегуляции функциональной работоспособности.
- Загружен.
- Установить автоматическую ЦСУП²² в реальном масштабе времени.
- Установлен.
- Установить автоматический ПДИТОР²³.
- Установлен.
- Использовать ядерный вспомогательный источник энергии по протоколу 745.
- Автоматическое управление тягой? – спросил синтетический голос.
- Да, – ответил Арсен.
- Установка для контроля и ремонта инерциальных систем наведения?
- Да.
- Мультиплексированная система бортового оборудования?
- Да.
- Установка противорадиолокационной защиты?
- Да.
- Переключающая цепь опознавания «свой – чужой»?
- Да.
- Приёмник излучений противорадиолокационного наведения стартовал.

---

²¹ Инфракрасное.

²² Цифровая система управления приборами.

²³ Поиск диагностической информации о техническом обслуживании и ремонте.

- Включить АСПС²⁴.
  - Да.
  - Платформа инерциального наведения 74587 стартовала. Техническая позиция инерциальных систем наведения 458 активирована.
  - Комплексная индикация данных, комплексная обработка данных?
  - Да.
  - Автоматическое отыскание неисправности и техническое обслуживание?
  - Да.
  - Опознавание без помощи спутников в случае их отсутствия?
  - Да.
  - Загрузить стабилизационный гироскопический эффект полёта?
  - Да.
- Теперь он включил ретрокоммуникатор:
- Длительное пробуждение в пересечении 0787546127310'84.
- Щёлк.
- Установка индикатора радиолокационного автопилотирования с заходом на посадку...
  - Установить комплект электронного оборудования аварийного прекращения полёта...
  - Установить гиросtabilизированную платформу инерциальной системы управления...
- Дальше поплыло всё как в тумане: коэффициент снижения лобового сопротивления за счёт gondoly... навигационных приборов... на воздушной подушке... критическая скорость флаттера... управление при аварийном прекращении полёта... курсовертикаль... отсчёт углов тангажа, крена и курса... коэффициент трения при торможении... непоплавковый гироскоп высокой точности... цифровой указатель углов пространственного положения... автомат выдерживания скорости захода на посадку... тумблер остановки гироскопов автопилота... система метеорологического информационного обеспечения... вычислитель скорости изменения барометрической высоты установлен...
- Снизить терморегулирование, – голос Арсена плыл.
  - Фильтровать кислород в резервуар номер 75, – шёпотом произнёс он.
- Потом потянулся, включил тумблер щитка управления встроенной системой автоконтроля с установкой жизнеобеспечения с замкнутым циклом. Щёлк... Нажал на старт медпода и погрузился в глубокий сон.
- Даже в глубине самого глубокого сна он почувствовал...

---

²⁴ Автоматическая система предотвращения столкновений.

Глава 4

Nuda veritas²⁵

Даже во время самого глубокого сна он почувствовал, как сознание перевернулось и обратилось в прекрасную женщину, удобно раскинувшуюся в мягком кресле. Она подсознательно ощутила, что настал тот самый момент, когда предстояло выполнить задачу всей жизни, невероятно трудную работу. Женщина погрузилась в своё далёкое бессознательное, чтобы отыскать ответ на вопрос, который задавала всю сознательную и, возможно, бессознательную жизнь, интуитивно ощущая, что разгадка таится именно там, в том далёком прошлом, в случившемся на корабле. Любая попытка прорваться туда заканчивалась фиаско и сопровождалась длительными депрессиями, душевными терзаниями, плохим настроением и телесной разбитостью.

«В преодолении себя воспитывается воля и укрепляется характер» – вспомнились ей слова командира корабля – друга раннего детства.

«Если что-то не получается, не обращай за помощью, а заставь себя начать всё заново» – сказала она себе уже в который раз и постаралась расслабиться.

Со стороны это выглядело как обычное, незатейливое дело – обаятельная женщина уснула глубоко и беззаботно, как набедокуривший ребёнок, получивший вместо наказания сладкий сон. Но на самом деле подсознание усиленно несло в пропасть, и скорость мысленного погружения, возможно, могла сравниться лишь со скоростью света в вакууме. Она буквально проваливалась в детство. Всё глубже и глубже, дальше и дальше, где ясное голубое небо сияет над жухлыми жёлтыми листьями и отражается в смехе детей и карканье ворон на развесистых деревьях, где луговая трава и полынь смешались в терпкий, с горчинкой аромат, а припозднившиеся солодка и иван-чай добавляют пряности и духовитости и улаживают обоняние; где паук плетёт бесконечную паутину, уходящую в глубокую и тёмную даль, где ничего не разберёшь, а лишь можно расслышать шелест деревьев. Скрип сухих веток расходится по всему пространству, заполняя его всё дальше и дальше. Она внимает этому духовому оркестру. Вторя гуляющему ветру, воображение продолжает углубляться всё дальше и дальше – в мёртвую чащу. Прислушиваясь, женщина начинает угадывать даже самые тихие звуки, различая их по высоте, частоте, долготе, тембру. Они манят вглубь, где интерес спящей привлекает странный скрип-скрежет... как металла по металлу. Он постепенно усиливается, и девочка начинает ощущать, как у неё начинают вибрировать барабанные перепонки. Сначала мягко, но настойчиво, потом всё резче, причиняя боль. От каждого скрежетания детское сердечко сжимается в комочек, и дышать становится невыносимо.

Сознание женщины, помимо её воли, погружается всё глубже и глубже. Оно пронеслось через сырое кровавое пространство и медленно, и быстро одновременно. Теперь различались и скрежет металла, и раздирающие слух крики детей, и ноющая боль в кровоточащем предплечье, и страх – животный страх, который сковывает дыхание холодом. Мозг рвётся на мелкие, красные, бурляще-кипящие мучительные осколки – такое ощущение, что ребёнок вот-вот потеряет себя. Спящая пытается убежать от невыносимого шума, проснуться, но бессознательное буквально приковано к этому участку. Чем сильнее желание убежать, тем сильнее

---

²⁵ «Голая правда».

что-то необъяснимое заостряет внимание на скрежете. Рокот учащается, и к нему добавляется что-то более страшное: хруст рвущегося мяса, вопль ребёнка, перемешанный с запахом кислоты, смрадной гнили. Теперь девочка почувствовала жгучую боль в предплечье, которая вибрировала, пульсирующе растекаясь по каждой клеточке организма, переплетаясь со скрежетом и жутким зловонием. Боль рвёт тело на части – самые маленькие части, клеточки. Мозг взорвался, захотелось ревмя зареветь, но ужас вонзил свои холодные стальные жала в самое сердце, и... сердце остановилось. Всё остановилось – паника, отчаяние, страх, что отныне не вырваться из цепких лап обстоятельств. Прервалось и замерло – без движения, как будто понятие жизни не существовало в природе...

По телу женщины пробежал озноб, его свела судорога. Никого в комнате не было. Никто не мог видеть её душевных терзаний.

Человек средних лет – Аркадий Маркович, отец Арсена, увлечённо читавший в соседней комнате, – слышал лишь ровное дыхание мирно посапывающего ребёнка. Пёс же настороженно наострил уши и стал оглядываться по сторонам, нюхая воздух. Но ничего особенного не нашёл и снова положил морду на ногу хозяина, продолжая быть начеку. Через мгновение он вскочил и, ошетилившись, напружинив всё тело, одним прыжком перемахнул через комнату, бросившись к спящей. Через секунду он уже лизал окровавленное предплечье проснувшейся, жалобно скуля и подвывая. Женщина открыла глаза и, опешив, принялась успокаивать собаку.

Поначалу после транса у разбуженной не осталось горечи в душе или каких-либо переживаний, но кровоточащее, как после укуса, предплечье, учащённое сердцебиение и прошибленное потом тело её поразили.

– Тебя нельзя оставить даже в соседней комнате, даже на несколько минут! – воскликнул мужчина и поднял кверху указательный палец. – Это Лесник?

– Нет, он только пришёл на помощь, – сказала проснувшаяся, продолжая поглаживать собаку.

Тот не переставал жалобно скулить, старательно зализывая хозяйке рану.

– Конечно, я был увлечён и ничего не заметил. Что же всё-таки случилось? – всё ещё недоумевая, спросил отец Арсена.

– У меня нет каких-либо вразумительных объяснений, – наивно заметила женщина, стараясь не делать из этого случая трагедии. – Возможно... когда спала, поранилась. Сон был беспокойный и, наверное, слишком резко повернулась и задела какой-то сучок.

– В мягкой мебели – сучок? – усомнился отец Арсена и подошёл, чтобы получше рассмотреть рану.

– Ну, гвоздь! – с лёгким раздражением ответила женщина.

– Послушай, Софья, да у тебя рваная рана, как от укуса какого-то монстра! – воскликнул Аркадий Маркович и надел очки, чтобы рассмотреть получше. – Как это ты умудрилась? – И побежал за дезинфицирующим средством.

Лесник сделал своё дело, рана перестала кровоточить, и женщина почувствовала, что пульсирующая боль начала постепенно стихать. Довольно скоро вернулся мужчина, обработал рану и наложил повязку. У него оставалось ещё много вопросов, но было разумнее хотя бы на короткое время оставить раненую в покое. Поэтому он не нашёл ничего лучшего, как предложить свежесваренный чай, приготовленный каким-то особенным образом.

Примерно через полчаса женщина поняла, чем поразило её увиденное в трансе. Правда оказалась такой горькой и мучительной, что потребовались вся выдержка и мужество, чтобы взять себя в руки и не показать, как она шокирована. Она встала и подошла к окну. Распахнула его, и лёгкий ветер обдал её предвечерней свежестью. Женщина вдохнула всей грудью и постепенно вспомнила другую сцену из далёкого детства...

Помещение залито ярким светом. Десяток созданий андрогинной внешности увлечённо рассматривает её обнажённое тельце. От этого девочке не по себе. Она оглядывается, чтобы

найти, чем прикрыться, но обнаруживает, что лежит на прозрачной столешнице. Какие-то ритмично мигающие и шипящие приборы подключены к её телу. Девочка пытается сорвать датчики, чтобы убежать от бесцеремонных взглядов, но обнаруживает, что ещё так слаба, что не может даже пошевелить рукой, – и предпочитает закрыть глаза.

– Очнулась! – с удовлетворением прошептало одно создание.

– Наша путешественница очнулась, – согласно кивали другие.

– Как ты себя чувствуешь, девочка? – спрашивали третьи.

– Оставьте ребёнка в покое, ей необходим полный отдых! Вы что, не видите, она ещё очень слаба! – возражали четвертые.

Девочка ужасно обрадовалась тому, что понимает речь, и, главное, что она в безопасности.

«Именно в безопасности», – чётко врезалось в сознание малышки.

Пришёл какой-то человек, по всей вероятности, очень важный – по звуку шаркающих ног девочка поняла, что все расступились, и стук каблуков чётко вклинился в разговор. Голоса утихли. Человек переступил с ноги на ногу и, обходя пациентку, звучно спросил:

– Что нового, как чувствует себя наше прелестное спасённое создание?

– Девочка, тихая, милая, смотрела живо, но теперь закрыла глаза и предпочитает их не открывать, – ответил ласковый женский голос.

– Чёрная бездонная пропасть поглотила маленькую девочку. Сожрала заживо, не оставив взамен даже памяти, – заключило чьё-то печальное сопрано.

– Но она в сознании, – почтительно возразил кто-то тенором.

– Прекрасно, изумительно, – зазвенел доктор.

Он дотронулся сначала до руки спасённой, потом перешёл к щиколотке и стал легко пальпировать её.

– Глубокое секвенирование показало, что в копиях наблюдаются грубые ошибки числа повторов и изменения в длинных прогонах, что, в свою очередь, говорит о выраженной снип-мутации²⁶, но, возможно, мы ошиблись маркерами, сами понимаете, – тут баритон несколько замялся, но быстро взял себя в руки, – была такая неразбериха, дополнительные секвенирования не подтвердили ошибки.

– Так это наш ребёнок?

– Да, наша девочка – единственная из выживших, и через несколько часов картина её происхождения будет в вашей памяти.

– Не забудьте передать и ошибки числа повторов, пожалуйста, для отчёта.

– Всенепременно, – воскликнул баритон.

...Потом какая-то женщина взяла за руку малышку, нежно поцеловала её и запела песенку:

*Юге, где ты, моя Юге?
В белом платье на небе,
Гуляешь там средь ангелов
На празднике небес,
Свирель поёт, труба зовёт,
Цветы вокруг и счастье вдруг,
Ворвалась солнечным дождём
В печаль твою, Юге...*

Женщина услышала шорох и приближающиеся шаги. Залайл Лесник.

---

²⁶ Необратимые мутации в ДНК.

– Милая, чай готов! Мы будем пить на веранде или предпочитаешь гостиную? – отвлѣк от воспоминаний мужской голос.

– Давай на веранде, – ответила она и с какой-то нерешительностью, очень осторожно присела на край кресла.

– Как ты себя чувствуешь? – заботливо спросил отец Арсена, сервируя стол и пристально глядя на неё.

– Да как-то так, не очень, – безразлично ответила женщина.

– Ты выглядишь разбитой и какой-то озабоченной, – настаивал Аркадий Маркович, звеня при этом чашками-ложками.

– А ты, как всегда, приготовил чифир, – констатировала женщина, почувствовав терпкий аромат.

– Софья Политоновна, я думал вас взбодрить.

– Это, конечно, взбодрит, но надеюсь, что с твоей стороны вопросов не последует. И перестань фамильярничать, пожалуйста.

– Точно встала не с той ноги, – с обезоруживающей улыбкой произнёс мужчина.

Разговор прекратился. Пара безмятежно, не торопясь, пила чай и любовалась окрестностями. В их движениях прослеживались согласованность, гармония. Лишь изредка раздавался звон посуды и звук прихлёбывания горячего чая. Смеркалось. На лугу стрекотали кузнечики, на веранде щебетали воробы, норовя украсть крошки сладкого, вдалеке слышалось кваканье лягушек. Свежело. Воздух наполнялся влагой.

По окончании чаепития женщина продолжала задумчиво и отрешѣнно сидеть, глядя в одну точку. Наконец она вышла из оцепенения, тяжело вздохнула и произнесла престранную фразу:

– Что не может быть представлено через другое, может быть представлено через самое себя. – Она резко поставила чашку на блюдце – блюдце зазвенело – и так же резко встала и вышла вон.

Пока она направлялась к двери террасы, маленькая слезинка блеснула и тут же исчезла в сиянии горящей свечи, и Аркадий Маркович увидел в этом взгляде новую сторону характера спутницы, которая была ему незнакома. Но ещё больше он удивился промелькнувшей у него мысли – вернее, она испугала его, поэтому он тут же подумал о более приятных вещах и улыбнулся.

– Вопросов сегодня не последует, – тихо сказал он себе и спокойно продолжил прихлёбывать маленькими глотками уже остывший чай, наслаждаясь брачным концертом лягушек.

Этой ночью отец Арсена решил хорошенько поработать, чтобы подготовиться к важному коллоквиуму в медицинском институте Гарварда.

...Светало. Зазвучали соловьиные трели, Аркадий Маркович вышел на террасу, чтобы насладиться утренней свежестью и отдохнуть, как у него обыкновенно водилось. Он увидел свет в окне рабочего кабинета жены и решил зайти. Открыв дверь, он увидел, что она напряжѣнно работает.

«Только преодолевая себя, воспитываешь волю и укрепляешь характер. Лучше не отвлекать...» – пронеслось в его голове, и дверь захлопнулась.

Звук захлопываемой двери отозвался глухим шумом и скрежетом в голове Арсена...

Глава 5

Cave canem²⁷

...Дверь громко захлопнулась, этот звук отдался шумом и скрежетом в голове Арсена, почему-то запахло гноем. Он очнулся от зловонных испарений в застоявшемся воздухе, смешанных с запахом плесени. Врывающийся снаружи ветер пронзительно звенел металлическими листами на верхнем ярусе, но не выветривал зловоние вниз. Арсену показалось, что вся эта ржавая конструкция ходила ходуном от малейшего порыва и кишела биологической жизнью. От одной мысли о близости каких-то тварей Арсена затошнило. Взорвалась резкая боль в животе. Он с ужасом понял, что по нему ползает рой, напоминающий мух. Ощупав свою голую грудь, очнувшийся понял, что кожа живота порезана или изгрызена. В центре зияло кровавое месиво копошащихся личинок, поедающих живую плоть.

Преодолевая боль, он нащупал кнопку катапульты и нажал на неё. Система не отвечала.

«Всё понятно. Рана в животе, сумбур в голове и на корабле полундра...» – резюмировал Арсен и попытался встать.

Ноги слушались с трудом. Опершись о косяк искорёженной развалины, некогда называвшейся медподом, молодой человек попробовал подтянуть их к краю. Но они отказывались слушаться.

– Чёрт побери! – вырвалось у Арсена.

Удар кулаком отозвался по всей плоскости медпода.

Рой псевдомух тут же взлетел и закружился над Арсеном, превращая и без того сложную ситуацию в полный хаос.

– Просыпайся! Иначе заживо сгниёшь в аду! Надо выбираться отсюда! – с усилием приказал он себе.

Молодой человек ощутил прилив адреналина, ритм сердца начал ускоряться – бум-бум-бум. Опершись на локти, Арсен увидел синюшный оттенок кожи на худых ногах. Напрягся. Ещё напрягся. Большой палец правой ноги начал реагировать.

«Ещё несколько минут... – мелькнуло в голове, – ...и я должен их почувствовать».

– Раз-два-три...

Со стучащими от озноба зубами молодой человек облизнул онемевшим языком ссохшиеся губы с запёкшейся кровью в уголках рта и потихоньку передвинул ноги к краю операционного стола. Из последних сил попробовал встать. При первой же попытке его повело, и, потеряв ориентацию, он упал плашмя на спину, чтобы отдышаться. Ледяной пот прошиб тело.

– Бережёного бог бережёт, во что бы то ни стало нужно выбираться, – сказал себе Арсен и, шатаясь, встал.

Трясушимися, липкими от пота руками он ощупывал каждый сантиметр заваленного пространства. Напряг память, чтобы вспомнить конфигурацию собранного им же медпода. Нашёл дверь, но компрессор не функционировал. В ярости Арсен стал разбивать кнопку. Дверь оставалась заблокированной. Что-то из застоявшейся тёмной воды бросилось на него и укусило за икру. Зияющая рана стала обильно кровоточить. Человек попытался запрыгнуть на

---

²⁷ «Берегись собаки».

операционный стол, но поскользнулся и чуть было не упал в воду. Вторая попытка увенчалась успехом.

«Ещё десять минут, и я обречён, – звучало в голове. – Генератор экстренной помощи заводится вручную: если получится, то этого будет достаточно, чтобы выбраться из модуля», – решение пришло моментально.

Молодой человек схватил металлический обломок, поморщась от прикосновения липкого металла, и рванулся к компрессорной кнопке. Крича от боли разрываемой плоти, дёрнул рубильник. Безрезультатно. Дёрнул ещё раз. Генератор дал свет. Ослеплённые склизкие твари кинулись прятаться в воду. Арсен не обратил на это никакого внимания. Схватил спасательную сумку и вспрыгнул на операционный стол, предварительно нажав кнопку катапульты. Устройство щёлкнуло, выбросив его тело на метров восемь в высоту. В полёте мужчина осмотрелся по сторонам.

«Бескрайняя болотная степь, насколько хватает глаз. Солнце да ветер!» – мгновенно определил летящий.

Потом последовал удар обо что-то мягкое. Он упал. Сумка рухнула на него. Бум!

«Спасён. Всё-таки люк открылся», – мелькнуло в сознании и растворилось...

Ему снилось, будто что-то обволакивало осьминожьими липкими щупальцами голову, пытаясь проникнуть внутрь и высосать мозг. Арсен пытался сопротивляться. Тогда щупальца превратились в лепестки красных цветов и стали падать на голову, трансформируясь в питательную влагу. Он почувствовал жар и нестерпимую сухость во всём теле. Понял, что изнывает от смертельной жажды. Мужчина каждой клеточкой своего организма испытал неудержимое желание испытать; в беспамятстве, не владея собой, стал пить не ртом, а кожей, вернее, влага впитывалась кожей, а уж с этим бредящий ничего поделать не мог – это было выше его сил. Так он пил, утоляя жажду разговором. Каждая капля абсорбированной влаги превращалась в слово, слова – в диалог. Диалог между волком и собакой. Только юноша не совсем понимал, кто он в этом диалоге – собака или волк? Арсен упивался разговором: капля за каплей – из крана вода... Ему казалось, что при общении с волком-собакой можно разглядеть его волчью морду, серые внимательные глаза, чёрный мокрый нос, постоянно тыкающийся в лицо, и огромную пасть, пахнущую прелыми листьями и сладковатыми сочными корнями, болотной жижей, червяками и ржавчиной. Волк постоянно что-то спрашивал, а человек в трансе что-то отвечал. Потом разговор стал струиться то грязным чёрным потоком, вперемежку с ворчливой бранью, то хрустальной родниковой водой, то истошаясь, заводя в тупик, то наполняясь особым смыслом. Диалог принимал своеобразное состояние: в нём различались самобытность, исключительность и чрезвычайность. Разговор вышел из-под контроля. Волк спрашивал – он отвечал. Он спрашивал – волк отвечал. Все ответы на вопросы длились вечность, и после каждого ответа Арсен падал куда-то далеко, очень далеко и надолго... Время длилось вечность! Секунда делилась на долю секунды, доля секунды на ещё одну долю, и так далее. И все эти малые толики секунд он чувствовал остро, специфично – каждая из них обладала своим особым оттенком и причиняла боль как физическую, так и душевную. Теперь ему отвечал страх. Казалось, та самая Чёрная дыра, от которой он так стремился убежать, всё-таки догнала и придавила его, вернее – он сам превращался в Чёрную дыру. В этой мучительной бесконечности отдалённо и лишь время от времени чувствовалось чьё-то присутствие. Чтобы совсем не трансформироваться, молодой человек собирал всё своё мужество и всеми силами старался настроиться на контакт с неизвестным соглядатаем. Его уводили. Дальше и дальше, за пределы тела, и дальняя дорога становилась всё легче, но только Арсен был не ведущим, а – ведомым. Он не мог не подчиниться. Это было мягко, ненавязчиво и так просто, что с каждым ответом становилось легче и легче, и даже показалось, что волк-собака старается настроить человека на рабочий лад, но только таким способом, каким может сделать именно это существо – больше

никто. Спящий проникся доверием к своему воображению, как маленький мальчик доверяет руке родителя, ведущего его по незнакомому городу...

...Опять приходил волк-собака и продолжал тыкаться в его лицо, обнюхивая и вылизывая, спрашивая о чём-то. Но контакт носил иной характер – простой, хотя и не менее необычный...

Молодой человек проснулся от того, что выстукивал морзянку собственными зубами. Кромешная тьма. На ощупь открыл сумку и достал зажигалку. Щелчок. Небольшой бугорок ярко освещён. Ковёр из мягкого мха устилает поверхность. Арсен сгрёб сухие листья, иголки и мох. Вспыхнуло хорошо, ярко. Радуюсь бликам огня, человек с опаской огляделся по сторонам. Тихо, уныло... Шестым чувством мужчина почувствовал опасность, притаившуюся в глубокой тишине, но тело настойчиво требовало тепла.

«Возможно – к лучшему, – оправдывался перед собой молодой человек. – Мха хватит по крайней мере на несколько часов, а потом можно будет перескочить на другой бугорок».

Открыл аптечку, достал сенсорный датчик. Биоимпеданс показал нормальные результаты состава тела, но с пониженным процентом жира и с повышенным содержанием активной клеточной массы. Датчик кожно-гальванической реакции сообщил о высокой степени эмоционального напряжения. Арсен поразился показаниям калорий в организме – как будто он пировал всю ночь. Потом прошёлся по медицинским параметрам и выявил наличие большого количества белка неизвестного происхождения.

– Бред, – сказал он себе и загрузил данные о биохимии крови.

Результаты подтвердили показания к применению нанороботов, после чего была введена их максимальная доза. Через несколько секунд Арсену пришлось бурно дышать, фыркать, вертеть головой в разные стороны, и в результате его обильно вырвало гнилой слизью. Нанороботы активировали защитные функции – он вспотел. Юноша никогда не увлекался этими игрушками и впервые применил их на практике – благо здоровье позволяло. Чуть позже развилась гипотермия, достигшая пика всего-навсего за несколько часов – она не шла ни в какое сравнение с отвратительным стазисом²⁸. В конечном итоге больному полегчало.

Горе-экспериментатор лежал на пригорке, закрывшись термопледом, и прислушивался. Изредка болото хлюпало и зазывало, издавая незнакомые звуки. Пахло сыростью, тиной, мхом и какими-то сгнившими корнями. Кое-где на зыбучем моховом ковре, в пузырящейся вонючей тине лежали бугристые настилы гати. Болотная гладь отражала сияющее пламя восхода. Он невольно залюбовался этой красотой. Потом начал накрапывать мелкий дождик, барабана по широким жёстким листьям растений, болото затянула мутная тина. Волшебная игра света исчезла. Так продолжалось, по мнению Арсена, довольно долго – он успел заметно оправиться от болезни, перевязать раны на животе и ногах, облачиться в костюм из высокопрочной защитной материи и заварить крепкий кофе. Виски ещё пульсировали болью – в голове гудел набат, но молодой человек бодрился – болотная пропасть не внушала доверия. Юноша очень удивился первому глотку кофе. Этот вкус вызвал восхищение, как в первый раз.

«Очень, очень вкусно! – отметил он про себя и сразу же ужаснулся: – Что же могло так атрофировать вкусовые ощущения? Время, проведённое в стазисе, не модифицирует вкусовые рецепторы. Ответ отрицательный».

Потом вспомнил, с какой тщательностью перепаковывал сумку спасателя, чтобы уложить в неё любимый напиток.

«Удивительно, но это так», – констатировал он с улыбкой.

Юноша прихлёбывал кофе маленькими глотками и рассуждал: «Нужно заготовить побольше горючего мха, потом перебрать сумку и затем ещё один (если один!) раз вернуться

---

²⁸ Поле, в котором полностью останавливаются любые физиологические процессы, а ощущение времени абсолютно теряется.

в операционный модуль за регистрационным журналом. Лучшее время для этого – дневное. Твари, напавшие на меня, боялись именно света. Так что всё не так уж плохо. Будем пугать их светом». Он отпил ещё глоток дымящегося кофе и рассмеялся.

– До чего же хорошо бодрствовать, кто бы мог подумать!

У него мелькнула ещё одна мысль: активировать обучаемого высокоманёвренного робота-паука.

«...Запрограммировать на изучение местности и сигнализации об опасности. Он же снабжён пьезодатчиком. Оптические и пространственные датчики позволят учиться в реальном времени, сталкиваясь с окружающим миром, генерировать интеллектуальные совокупности последовательных шагов. Возможно, что-нибудь интересненькое и выпадет на мою долю? Нет, – размышлял экспериментатор, – надо сформировать полноценную робототехническую систему в две единицы, чтобы они могли делиться наработками и тестировать навыки „коллеги“. В таком случае продвижение будет быстрее и информативнее. Придётся жертвовать двумя», – с грустью заключил исследователь.

Арсен посидел ещё немного в болотной тишине, изредка нарушаемой гулом неизвестного происхождения. Оценив резерв горючего мха, принялся за ревизию содержимого сумки, благо боль в теле заметно поутихла, и появилась бодрость. Молодой человек достал портативный навигатор и надел его на запястье. Навигатор показал отсутствие каких-либо данных. Это удивило опытного космического путешественника. Такого за свою практику он ещё не встречал. Потом экспериментатор вытащил робопавков и начал копаться в системах.

– ...Датчик ночного видения, датчик расстояния и инфракрасный датчик – вот, мне кажется, и всё. Идите, гуляйте. – И опустил их на бугорок.

Пауки издали еле слышное жужжание и, столкнувшись лоб в лоб, разъехались в разные стороны. Портативный навигатор издал сигнал; Арсен увидел зелёную и жёлтую точки в расширяющемся пространстве – пауки выстраивали рельефный ландшафт.

– Отлично, – произнёс молодой человек.

Потом он растянул твистрон²⁹ на поверхности небольшой болотной лужи и поставил батарею на зарядку.

– Лучше мало, чем совсем ничего, – заключил он.

Юноша провозился со своими инструментами до вечера. Накрапывал дождь, редкие порывы ветра приносили зловоние стоячей воды, тины и гнилых мхов. День был тёплый. Отдалённые раскаты грома предвещали скорую смену погоды. Арсену мерещилась кричащая на болоте выпь. Он не обращал на это внимания, стараясь быстрее обустроиться к ночи. К позднему вечеру поднялся холодный туман. Крики, похожие на кваканье лягушек, раздавались в окрестных болотах, до головной боли запахло чем-то, напоминающим багульник. Начался дождь. Редкие тяжёлые капли глухо забарабанили по воде. Потом их звук стал дробнее. Совсем рядом загрохотал раскат грома. Сверкнула молния. Воздух резко повлажнел, горючий мох перестал давать достаточно тепла.

«Скорее всего, будет затяжной холодный дождь», – с опаской подумал Арсен.

Он собрал твистрон и соорудил из него укрытие. Крыша сооружения начала излучать тепло. Путешественник весело улыбнулся.

Ночь наступила внезапно. Завернувшись в плед с головой, мужчина слышал редкие раскаты грома, грохочущие и медленно отдававшиеся эхом в центре болота. Шелест дождя, стук града, шум ветра, скрип одиноких деревьев, раскаты грома – всё смешалось в голове Арсена. Ему казалось, что дождь льёт уже целую неделю...

---

²⁹ Материал, генерирующий энергию при растяжении или сжатии.

Глава 6

Credo³⁰

...Дождь лил уже целую неделю. Тяжёлые капли падали на землю и, разбиваясь, издавали прощальный бемоль в оркестре дождя. На город обрушился настоящий потоп. Серый бетон зданий, окутанный промозглым туманом, превратился в синие глыбы, подпирающие небо, и торжественно распахивал пространство перед каждым входящим в город. Низкие свинцовые тучи замерли, пронизанные насквозь готическими шпилями зданий, кое-где отражая багряно-лиловые блики от колесницы Ильи-пророка. В этой сырой, богом забытой дыре вырисовывалась тень человека, завёрнутого в чёрный плащ, доходящий ему до щиколоток, энергично шагающего по лужам и журчащим ручьям, внося хаос в гармонию ливня. Иногда незнакомец останавливался, оборачивался, рассеянно окидывая всё взглядом, будто разыскивая кого-то, воздевал руки к небу, но, ничего не получив взамен, опускал голову и продолжал путь. Так продолжалось довольно долго; можно было бы подумать, что человек разговаривал с небом или угрожающе кричал на него, но дождь маскировал всё шумовой завесой – мольбы о помощи были бесполезны. Человек продолжал путь, восклицая и плача, получая взамен лишь не нужное ему омовение.

Так продолжалось всю ночь и весь день. Человек никого не встретил на своём пути, вернее – никого не видел. Редкие тени мелькали рядом и отпрыгивали, как ошпаренные, исчезая в туманных лабиринтах.

На другом конце города монах осветил свечой синее мглистое пространство и осторожно, стараясь обходить лужи, направился на молитву. Подойдя к келье, он увидел лежащего на мостовой человека, бормочущего что-то себе под нос и зябнувшего от промозглой сырости. Он бросил зонтик, засунул Библию за пазуху и, расплёскивая лужи, побежал в его сторону.

Монах приподнял несчастного и, откинув его капюшон, ахнул.

– Аркаша!

Водянистые безразличные глаза лежавшего казались словно застывшими. Он попытался опомниться, чтобы не стучать зубами, и попробовал выговорить имя подошедшего, но ничего не вышло – потерял сознание.

Бред продолжался недолго. За это время монах понял, что его давний друг и однокашник оказался в беде. Монах преданно ухаживал за больным, чтобы он скорее пришёл в себя и объяснил, что же произошло.

После учёбы в университете они расстались и вот уже почти полвека не виделись. Старец продолжал считать Аркадия своим другом, даже в глубине души чувствовал себя его родственником. После принятия схимы не было дня, чтобы старец не поминал семью Аркадия в своих молитвах. Но теперь схимник был поражён нечаянной встречей. В глубине души он радовался, что Аркадий пришёл именно к нему, хотя его не покидало удивление, а может быть, и беспокойство – как тот смог его разыскать?

Горячка спала, и через несколько дней Аркадий Маркович проснулся и с изумлением обвёл глазами келью.

– Где я? – еле слышно пробормотал он.

---

³⁰ «Верую».

В это время в комнату вошёл старец и уронил поднос. Металл зазвенел об пол – их глаза встретились.

– Роберт?

Настало молчание. Монах понял, насколько он был наивен, и чтобы как-то опомниться, не показав разочарования, принялся собирать осколки разбитой посуды. Второпях он поранился, кровь брызнула на пол, обогрив дерево. Он собрал последние черепки, что-то буркнул себе под нос – и исчез.

Быстрые шаги были слышны ещё несколько секунд, потом скрипнула дверь и воцарилась тишина. Монах кинул осколки в раковину, принялся обмывать окровавленную руку... Его глаза увлажнились. Он понял, что построенный им мир рухнул в одночасье. Он усталился на струящуюся воду, пытаясь привести мысли в порядок и не сделать опрометчивых выводов. В комнате, из которой вышел монах, послышался грохот. Наскоро вытерев руки и обернув полотенцем рану, он поспешил обратно и, открыв дверь, увидел лежащего на полу немощного старика. Тот попытался улыбнуться, но рот исказила лишь кривая усмешка:

– Ну здравствуй, Роберт!

Монах улыбнулся сочувственной, но грустной улыбкой. Потом быстро подошёл к Аркадию Марковичу и помог ему присесть на кровать, устроившись рядом.

– Ну здравствуй, Аркаша!

– Сколько же лет мы с тобой не виделись? – всё ещё хриплым голосом спросил друг.

– Да уж сорок лет с гаком, Аркаша. Сорок лет...

Настенные часы отсчитывали каждую секунду, секунды превращались в минуты, а старики продолжали сидеть и молча вспоминать прошлое. Смеркалось. Роберт пошёл за свечой. Когда она осветила комнату слабым, дрожащим светом, он увидел Аркадия Марковича, отвернувшегося к стене.

– Отдыхай, Аркаша, потом поговорим, спокойной ночи.

В ответ последовало молчание.

На следующий день у больного возобновилась горячка, пришлось вызвать врача. Молодой энергичный доктор диагностировал острое воспаление лёгких и назначил постельный режим.

– А вам не кажется, уважаемый, что пациент как-то странно себя ведёт? Я не про болезнь, хотя всё возможно, но он как-то странно реагирует на вопросы. Быть может, мне показалось?

– Это опасно, доктор? – с волнением спросил монах.

– Посмотрим, – улыбнулся врач и продолжил, – я настаиваю на самом внимательном уходе, уважаемый. Зайду к вам на днях, – заключил он, вытирая руки полотенцем.

– Вы с дороги? Может, выпьете чаю? – любезно предложил монах в знак благодарности.

– Вы, право, очень добры, но у меня нет времени. Поэтому прощайте. – Доктор взял саквояж и вышел, со скрипом закрыв за собой дверь.

– Видно, у него действительно мало времени, молодой-занятой, – констатировал Роберт, – а я своё уже растратил.

Шли дни. Горячка спала. Аркадий Маркович пошёл на поправку, но продолжал лежать, уставившись на стену и не обмолвившись ни единым словом со старинным другом.

– Определённо, он не в себе, – сказал доктор при втором осмотре. – Со здоровьем у него всё в порядке, не сомневайтесь, здесь что-то душевное... Попытайтесь с ним поговорить, что ли? – шепнул он схимнику за чашкой чая. – Попытайтесь завязать с ним разговор, даже если это будет немного навязчиво. Знаете ли, депрессии мешают полному выздоровлению, – и он подчеркнул свои слова кивком головы. – Я ему больше не нужен, а вы – необходимы... – любезно повторил медик. – До свидания.

– До свидания, – сказал Роберт, осторожно закрывая скрипучую дверь.

Часы продолжали отсчитывать время в полной тишине. Монах приходил и уходил, не произнося ни слова...

– Значит, ты решил похоронить надежды и упования в монастырской келье, чтобы загладить пред небом своё предательство? – в один из ненастных дней Аркадий Маркович задал первый вопрос уже выходящему из комнаты другу – но при этом остался лежать, уткнувшись лицом в стенку.

– Ты не прав, Аркадий! – медленно повернувшись к больному, ответил Роберт. – Тебя никто не предавал, – продолжил он довольно спокойно, – я не скрывал своего восхищения Софьей – женщиной смелой, свободной, но одинокой.

– Да, упрямства ей было не занимать, – сердито отметил больной.

– Красивая женщина, и при этом умная и ироничная. Это большая редкость, – продолжил монах.

– Таких обычно побаиваются, – насмешливо произнёс Аркадий Маркович.

– Страх обусловлен высоким уровнем гормона стресса в крови. Для меня же она была воплощением блаженства, – добавил Роберт.

– Ба, даже так! – При этих словах Аркадий Маркович рассмеялся дребезжащим голосом.

Он смеялся долго – до истерики. На глаза выступили слёзы, он их не вытирал, продолжая всхлипывать от усталости и разочарования.

– Да и я её обожал – женщину, прекрасную во всех отношениях!

– Конечно, ты обожал, в этом всё и дело! А я её восхищался, восхищаюсь и буду восхищаться! – одушевлённо проговорил монах. – Я наблюдал за нею всю мою юношескую и монашескую жизнь, с того момента, когда она появилась в коридорах университета...

– На заре туманной юности! На заре туманной юности! – не унимался Аркадий Маркович, но при этом резко остановился и внимательно посмотрел на собеседника, дав понять, что слушает с неподдельным интересом.

– Вся такая строгая и кроткая, целеустремлённая! Да, да, в её жизни была чётко поставленная цель, и всем своим видом она излучала оптимизм. Глаза, улыбка, взгляд, жесты, походка, умение двигаться, манера говорить или молчать... даже привычка склонять голову – всё излучало таинственный, еле заметный свет. Я незаметно наблюдал за ней несколько лет. Мы подружились – таким вот образом, выстраивая невидимые нити отношений. Она была для меня как ещё не раскрытая книга. Я гордился нашими сдержанными, чистыми, светлыми отношениями. Миг, когда я видел её, становился главным событием дня. Я ликовал, наслаждаясь временем, проведённым вместе. Конечно, используя эти мгновения – пытаюсь краем глаза разглядеть и запечатлеть в памяти каждый её взгляд, каждый безупречный жест, ибо всё вокруг неё превращалось в совершенство! Даже самый ненастный день начинал радостно звучать и творить чудеса. Но всё же Софья заметила мой интерес к ней. Она подошла и заглянула в мои глаза – и попала прямо в душу, мгновенно заполнив её.

– И что ты почувствовал? – сконфуженно, но с заинтересованностью спросил Аркадий Маркович.

– Ощущение полноты жизни...

Аркадий Маркович с изумлением уставился на монаха. Он не верил своим глазам и ушам.

– Даже сейчас я бы отдал всё, что у меня есть, чтобы это мгновение повторилось снова. Всё, понимаешь, всего себя – без остатка.

– Ты болен, и уже давно! – констатировал Аркадий. – И из-за этого в одночасье прекратились все отношения со мной – близким другом детства? *Temeritas est florentis aetatis*³¹.

---

³¹ «Легкомыслие свойственно цветущему возрасту» (Марк Туллий Цицерон).

– Нет, это ты болен. С рождения! – возразил Роберт. – Она зажгла меня, но спалила тебя. Любовь не может сжечь, она только зажигает. Этот огонь горит во мне до сих пор. А вот тебя испепелила твоя ревность.

– Остановись, мгновение – ты прекрасно! – съязвил Аркадий Маркович.

– Она была так хрупка, тем не менее эта хрупкость держалась невидимыми стальными стержнями, закалёнными в огне и воде, эта сталь – её несгибаемая воля. Посмотри, сколько эта женщина, твоя жена, сделала для человечества. А ты лишь топтал землю и коптил небо, пользуясь её славой.

– Блажен, кто верует, тепло ему на свете!³² – ответил больной.

– Насмешка – оружие невежества. Почему ты насмехаешься над моими чувствами? – резко спросил Роберт. – Я никому ничего не доказывал и не мешал. Просто понял, что я – третий лишний, и ушёл.

– Потому, что ты – гнилой романтик, а я – полный болван. *Errāre humānum est*³³.

– Я не понимаю – ты можешь объяснить, что происходит между тобой и Софьей? Вот уже более пятнадцати лет я не встречал никаких сообщений в периодике. Само собой разумеется, пытался навести справки – тщетно. Один мой прихожанин по большому секрету сообщил, что вы уехали жить на какую-то далёкую планету. Как Софья?

– Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно³⁴!

– Ты меня интригуешь. Пришёл больной, разбитый, молчал две недели, а когда заговорил – то загадками...

Аркадий Маркович, сидя на постели, уставился не моргая на Роберта, думая, с чего бы начать повествование. Но прежде внимательно осмотрел бывшего друга – чёрная ряса до пола, жилистые руки, собранные в пучок густые с проседью волосы, голубые ясные глаза. Он захотел запомнить этот образ, оставить его себе навсегда.

– Да не смотри ты на меня как на небожителя. Рассказывай! Как Софья?

– Блаженствует, видно, ей на земле не до того было, – сухо ответил Аркадий Маркович и замолчал.

Роберт остолбенел. Его лучистые глаза позеленели, и в мгновение ока он оказался подле товарища.

– С этого места медленнее и подробнее, так сказать – *sine irā et studio*³⁵.

– Знаешь, я только что тебя рассматривал, чтобы запомнить, потому что и память о Софье храню как светоч ушедшего врем... – Он зарыдал, стесняясь своих слёз, но не сдерживаясь.

– Тише, тише, успокойся, у меня немного наливочки было, а лучше давай... водки, – махнул рукой Роберт. – Что это мы, за встречу даже не выпили. Успокойся. Сейчас.

Через секунду он уже налил полстакана Аркадию Марковичу.

– А себе?

– Да, знаешь, завязавшие алкоголики любят смотреть, как пьют другие.

– Опа, как это тебя?

– Да будем считать, что метафора...

– Гм...

Аркадий Маркович выпил залпом; потом взял кусочек хлеба и долго его нюхал:

– С тмином?

– Ржаной, бородинский, – ответил схимник. – Годы тебя не берут, Аркаша!

---

³² Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

³³ «Человеку свойственно ошибаться».

³⁴ Из стихотворения «Александре Осиповне Смирновой» М. Ю. Лермонтова.

³⁵ «Без гнева и пристрастия» («Анналы» Тацита).

– Неправда. Ты всегда умел меня успокаивать по-особому, заходя с тыла, так сказать; не любишь говорить прямо. Всегда аккуратно, обходительно – чистая лиса.

Потом внезапно посмотрел в глаза монаху и серьёзно добавил:

– Если ты поручился за ближнего твоего и дал руку твою за другого, ты опутал себя словами уст твоих, пойман словами уст твоих. Ты понимаешь, о чём говорю, Роберт?

– Нет.

– *Ad mortem domus ejus et ad impios semitae ipsius*³⁶, отче.

– Пред очами Господа пути человека, и Он измеряет все стези его. Ты хочешь исповедаться, сын мой?

– Да, отче. *Confiteor solum hoc tibi*³⁷. Подготовьтесь, ибо это страшная тайна. Зная тайну – сами станете тайной – другой дороги не будет.

– Пути Господни неисповедимы, сын мой, я готов выслушать.

– Я попытаюсь объяснить всё, хотя ты – концептор, надеюсь, что и сейчас меня хорошо поймёшь.

– Я весь внимание.

– Как ты знаешь, у нас – у капусты, камбалы, человека – одни и те же гены. Из генов, как из кирпичиков, строится организм по нужной матрице – фантому. Если у жизни есть храм, то он – внутри клетки ДНК, написан он на языке любой формы. В генетических конструкциях всегда появляются случайные изменения. Это даёт решающее преимущество в борьбе за выживание – если окружающая среда поощряет одно из них, то шансы на выживание повышаются.

Тут Аркадий остановился, задумался и продолжил:

– Да, мы действительно были в секретной миссии. Исследования предполагали некие элементы модификации генетического кода, которые могли бы дать возможность биологической жизни существовать, так сказать, без кислорода. Эта секретная программа велась уже многие годы, я бы сказал, столетия. С нулевым результатом. И вдруг – луч света в тёмном царстве! Никто не продвинулся дальше, чем Софья, – его глаза опять затуманились и увлажнились.

Роберт налил ещё водки, и Аркадий пригубил стакан. Высморкавшись, продолжил:

– Это она настояла на программе. Я был против. Конечно, с точки зрения гуманных соображений, логических сопоставлений, презумпции невиновности – она была права на все сто, как всегда, – железная логика. – Тут учёный муж рассмеялся. Его дребезжащий старческий смешок был настолько жалок, что монах придвинулся и стал поглаживать его по спине. Он продолжал смеяться и кашлять и, откашлявшись, снова заговорил:

– Вот ты говоришь, что моя жена тебя «заполнила». Два бездонных взгляда вмиг изменили твою жизнь! Она умела играть и на моих слабостях, а их было столько, что это не составляло никакого труда. Боже! Какими же дураками мы были! Одним взглядом она отлучила тебя от меня. Потом продолжила играть своей волшебной палочкой – планировать мою жизнь, как ей этого хотелось, переворачивая всё вверх дном с таким искусством, что я думал, будто этого хочу, более того – страстно желаю... Я и сейчас считаю, что совершил самую большую ошибку в своей жизни, согласившись на этот эксперимент. Но, как ты знаешь, у меня не было выбора – возможности противостоять правительственной программе и доводам жены. Я согласен с тобой – Софья сделала слишком много для человечества. А ещё – позволила быть тенью своей славы, вознеся на пьедестал и меня, но именно она создавала новые теории, открытия и жизни... Уникальность заключалась в том, что эта женщина всё доводила до конца – до совершенства. В выводах – комар носа не подточит. Всё было идеально – она строила храм жизни. Вернее, перекраивала его на свой лад и манер. Блицкриг Софья Политоновна готовила не торо-

---

³⁶ «Дом её ведёт к смерти, и стези её – к мертвецам» (Библия).

³⁷ «Исповедаюсь только тебе в этом» (Библия).

пясь, возможно, всю жизнь, тщательно взвешивая и вымеряя все действия, каждое слово или, как ты говорил, – не слово...

Аркадий Маркович замолчал. Он всё ещё был охвачен душевной мукой, но ему необходимо было выговориться:

– Софья была создателем, она была – само совершенство. Ей удалось построить то, что другим было не под силу, – жизнь вне жизни. Малышей замечательных, нормально развивающихся, параллельно живущих в двух средах.

– По плоду узнают и дерево, – торжественно произнёс монах, погладив бороду.

– Да погоди ты с заключениями... Я не верил своим глазам, теперь-то понимаю, что это моя супруга научила меня умерять своё удивление. Знаешь, у неё всегда была наготове то фраза, то сентенция. Порой мне казалось, что Софья читает мысли людей... Ты полагаешь – это невозможно? Так вот, эта женщина нащупала все мои слабые стороны, она жонглировала ими, как ей было выгодно – в зависимости от ситуации. Играла со мной в подкидного дурака, всё время подсовывая краплённые карты. Какой же я дурак! *Vitia amicae amatorem decipiunt*³⁸. Был уверен, что это я строю, планирую, устраиваю жизнь. И только теперь понял, как ошибался! – Тут Аркадий воздел руки к небу, оставаясь в таком положении несколько минут.

Потом его руки упали как плети, и он что-то промышчал, качая головой и глядя в пол. Неожиданно встрепенулся, взглянул на Роберта каким-то пронзительным и даже игривым взглядом и запальчиво продолжил:

– В ходе эксперимента – по негласному уговору между нами, конечно, – она была научным руководителем, а я лишь выполнял роль администратора, мысленно примерявшего лавры будущего успеха. Ведь он был уже так близок! О-о-о! Внутри всё ликовало, предвкушая сладкие плоды победы... Боже, как я был глуп. Не спрашивал у неё никакой отчётности – не настаивал, ибо знал, что рано или поздно она мне её предоставит, поэтому предпочитал не мешать. Да, конечно, следил за записями старших лаборантов, но не замечал ничего подозрительного. Софьины записи всегда лежали отдельно. Она предпочитала работать по ночам, и даже меня приучила к этому. Но жизнь распорядилась иначе, сама жизнь предоставила отчётность, да ещё таким удивительным образом, о котором задумаешься и ахнешь – а не промысел ли это Господень?

Внутренний мир Аркадия Марковича опять завладел им, и он замолчал, уставившись в пол. Роберт осторожно похлопал собеседника по руке, чтобы привести его в чувство. Аркадий Маркович опомнился:

– Нам пришлось срочно эвакуироваться. Во время эвакуации моя жена получила ужасные травмы, несовместимые с жизнью. Мне ничего не оставалось, как заморозить тело для последующей регенерации. Но перед этим я провёл секвенирование ДНК, чтобы начать размышлять над тем, каким методом лучше восстанавливать жизнедеятельность. Провёл его несколько раз, не найдя совпадений ни в одном случае! Я никому ничего не говорил, но об этом прознал лишь один человек – мой лаборант. Мне пришлось убедить его, что сделанные им выводы поспешны, подложив разные маркеры, – сработало. Сотрудник успокоился – во всяком случае, до сегодняшнего дня из полицейского отдела по генофонду нации меня не потревожил никто. Уже здесь, на Земле, я сопоставил все секвенирования и после шестимесячной изматывающей работы сделал открытие: её ДНК даёт откат назад, каждое дальнейшее секвенирование предоставляет мне информацию о совершенно другом типе жизни. И даже не человека! Иногда законы природы работают не так, как нам этого хочется, и уж тем более не так, как мы к этому привыкли, с этим я согласен. Но я не знаю, с кем жил всё это время! Природа никогда не делает отката в ДНК, только мутации, ведущие эволюцию вперёд. Её же организм, практически мёртвый, ищет способ выжить – я такого никогда не встречал. Кто она? С кем я

---

³⁸ «Недостатки подруги ускользают от внимания влюблённого».

живу сейчас? Кому я верил как самому себе? – Он схватился обеими руками за голову и стал раскачиваться, сидя на краешке скрипучей кровати.

Роберт продолжал гладить его по руке, теребя рукав рубашки, Аркадий Маркович всхлипывал, сморкался и продолжал сидеть, раскачиваясь взад-вперёд.

– Мне было очень трудно довести тело до Земли, пришлось даже на какое-то время оставить её одну, на одной из далёких планет, чтобы по приезде представить доказательство смерти. Ты же знаешь, я всегда умел мастерски скрывать наши детские шалости. – Он нервно рассмеялся.

Тихо засмеялся в бороду и монах, кивая головой в подтверждение.

– Потом я вернулся, но до отъезда подготовил лабораторию к её возвращению. Ты можешь представить, до какой степени это тревожно и мучительно – оставлять жену одну, замороженную, в метановом гроте? У меня не было выхода, имелся единственный шанс, чтобы замести следы. А в этот раз я был осторожен как никогда. Всё обошлось. Я привёз. Разместил. И стал готовить фермент для регенерации. Но у меня ничего не вышло, хотя я – профессионал. Вопрос заключается в том, кого регенерировать? Это уже не Софья! Кто она? Тело мутирует – я даже боюсь вмешиваться в его изменения. Её природа намного умнее природы, из которой сделаны мы, – генетическая структура даёт откат. Откат, который недоступен нам – обычным смертным. Наблюдения ведутся ежедневно уже более шести месяцев, и то, что осталось от Софьи, не прекращает меня изумлять. Я думаю, что концепция её генетического кода была основой конструкции детей на Сараше.

– Говорят, демоны заставляют людей поверить в то, чего в действительности не существует, – возразил Роб.

– Ну, всё это существует и объяснимо, только для того, чтобы объяснить, нужно время: или очень много времени, или Софьины разъяснения. Кто же тогда моя жена? – не унимался старик, продолжая раскачиваться.

– Скажи, пожалуйста, а что с детьми?

– Не знаю. Капитан корабля действовал строго – по протоколу.

– А что в протоколе?

– Дети никогда не должны появляться на Земле; эта новая генетическая раса была создана для того, чтобы жить и работать на Сараше.

– Путь беззаконных – как тьма; они не знают, обо что споткнутся, – в раздумье медленно процитировал монах. – Знаешь, начало мудрости – страх Господень. Ты так скорбишь, видно, нагрешил сильно, что никак не можешь десницу гнева Божьего отвести.

Потом надолго замолчал.

– Хотя святых вон выноси. Как всегда, ваши бездарные программы, завуалированные под жизнь, а несущие смерть; погоня за наживой отвращает вас от Бога. Язык лживый и руки, проливающие кровь невинную, сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству, лжесвидетель, наговаривающий ложь и сеющий раздор... хотя что это я, не судите – да не судимы будете, – размышляя вслух, проговорил монах и обратился к собеседнику: – Тебе нужно привезти детей и позаботиться о них. Я более чем уверен, что Софья поменяла свою жизнь на жизнь одного из этих детей.

– Да, ты прав, она спасла мальчика.

– Не падает с моста тот, кто умно ходит, возможно, Софья правильно шла, но не дошла? Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его, ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему.

– Тебе легко об этом говорить. Ты всегда был причастен только к Богу.

– Ты ошибаешься, я – проводник Его, несу слова Его в грешный мир.

– Ты понимаешь, что мне предлагаешь? А полиция генофонда нации?

– Мудрые сберегают знание, но уста глупого – близкая гибель, – улынувшись, произнес Роберт. – Господь сохраняет для праведных – спасение; он – щит ходящих непорочно. Софья не задумываясь отдала жизнь за детей. Не забывай об этом! И в данном случае я верю больше ей, чем твоим глазам испуганного зайца.

– Что? Да ты хоть знаешь, что я пережил? Такой жестокости и бесчеловечности не ожидал от тебя!

– Не скверни гневом душу. Ты похож на завядший цветок, вырванный из придорожной травы и выброшенный на пыльную дорогу. Ты ощущаешь скорбь? Пора опомниться! Кто хранит наставление, тот на пути к жизни; а отвергающий обличение – блуждает.

– Да ты в своём уме, отче? Я к тебе пришёл за помощью – и что ты мне предлагаешь?

– Я ничего не предлагаю, Софья выбрала тебя для этой миссии. Меня же она выбрала для другой.

– Софья – монстр!

– А вот пойдёшь и разберись. Докажи сначала, что – монстр. Попробуй доказать. Свидетели-то есть – живые свидетели. Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой, не будь мудрецом в глазах твоих; бойся Господа и удаляйся от зла.

Беззаконного улавливают собственные беззакония его, и в узах греха своего он содержится, – смотря в глаза Аркадию и беря его за руку своей тёплой, сухой ладонью, сказал Роберт. – Ты пришёл сюда за утешением, но не будет тебе утешения – не могу его дать, даже если желаю всем сердцем. Скорбь, уныние будет всегда сопровождать тебя, но если устранить причину, тогда пройдёт и болезнь... посему ходи путём добрых и держись стезей праведников, потому, что праведные будут жить на Земле, и непорочные пребудут на ней; а беззаконные будут истреблены с Земли, и вероломные искоренены из неё. Кто ходит в непорочности, тот ходит безопасно; а кто извращает пути свои, тот будет наказан.

– Отче, вы мне предлагаете *mutātis mutandis*³⁹.

– Да, сын мой, разобраться с последствиями – ноша твоя, и обрести милость и благоволение в очах Бога.

– А?

– А закон от Бога, всё остальное – правила.

Арсен открыл глаза, вокруг него сияли мириады звёзд и вырисовывался Млечный Путь, похожий на фрактал... Дул сильный ветер, возле Арсена, свернувшись калачиком, лежала собака-волк. Их глаза встретились...

---

³⁹ Изменить то, что следует изменить; с соответствующими изменениями.

Глава 7

Transeat a me calix iste⁴⁰

...Их глаза встретились... Арсен уставился на волка, а тот, в свою очередь, как ни в чём не бывало спокойно осматривался по сторонам, создавая ощущение постоянства их приятельских отношений. Арсен попытался высвободиться из теплоизоляционного пледа; волк же, с некоторой неохотой и даже ленцой, встал на задние лапы и зевнул так демонстративно, что само его присутствие, все жесты поставили под вопрос правильность действий соседа по койке. Арсен присел на корточки, подобрав под себя плед. Это были жесты самообороны пополам с удивлением. Волк – а это был волк – сладко зевнул в последний раз, приблизился к напрягшемуся человеку и, лизнув его щёку, как ни в чём не бывало плюхнулся на плед, уткнувшись мордой в передние лапы, закрыл глаза – и задремал, наострив, однако, уши. Запах животного Арсену показался до боли знакомым, в особенности запах его «поцелуя», он заставил человека расслабиться и удобно устроиться подле засыпающего волка.

«Запах сладких болотных кореньев вперемешку с... как это я сразу не догадался! Этому удивительно нормальному самочувствию я обязан своему защитнику и покровителю. Спасибо, друг!» – мысленно поблагодарил он товарища по приключениям.

Волк придвинулся к соседу по койке вплотную, с намерением разделить с ним ночь под мягким тёплым пледом. Вокруг Арсена кое-где валялась трава со специфическим запахом, напоминающим то ли лаванду, то ли лимонник, и не было назойливых гигантских кровососущих.

– Спасибо, друг. Спокойной ночи.

«Спокойной?» – отозвалось в мозгу, но Арсен уже спал крепким сном.

Ярким солнечным утром молодой человек проснулся из-за гортанно оравшей во всю глотку большой чёрной птицы, раскачивавшейся на тонкой ветке. Трубный звук простирался на километры, кое-где ему вторили другие крики. Солнце уже пригревало; на секунду юноше даже померещилось, что он находится в знакомом с детства месте. Он решил полежать с закрытыми глазами ещё несколько секунд и позволить себе понежиться. Но что-то внезапно встревожило его, вызывая к бдительности, и заставило немедленно проснуться. Открыв глаза, он быстро сел и огляделся. След ночного гостя простыл, как будто его и не было вовсе, как будто это был приятный сон. Костёр потихоньку догорал, едва слышно потрескивая. Арсен решил сварить бодрящий кофе и заняться поисками бортового журнала. Вчерашняя ревизия сумки спасателя не дала утешительных результатов: восемьдесят процентов приборов сломаны и в нынешних обстоятельствах не могли быть починены – бедолага с досадой усмехнулся.

«В данной ситуации приходится уповать только на Господа Бога, – подумал он, – не стоит отчаиваться! Ноги, руки, голова целы – это главное!» – утешал он себя.

«Бортовой журнал – объяснение всего происходящего, мне нужно его достать во что бы то ни стало...» – поставил себе приоритетную задачу Арсен.

Молодой человек собрал мох для костра и сварил крепкий кофе. Постоянно озираясь по сторонам, горе-путешественник с нетерпением дул на напиток, остужая его. Потом, открыв пачку крекеров, с аппетитом позавтракал и остался доволен реакцией организма.

---

⁴⁰ «Да минует меня чаша сия» (Евангелие от Матфея 26:39).

«Слава богу, не вывернуло наизнанку» – отметил он и встал во весь рост.

– Ну и занесло меня, – сказал вслух Арсен, оглядевшись вокруг.

Потом проверил устойчивость кочки и решил, что может оставить на ней неповреждённое оборудование; затем, взяв самое необходимое, отправился к модулю.

Ему пришлось прыгать с кочки на кочку, чтобы не провалиться в зыбкую трясину. Очень скоро он почувствовал изнеможение, но под его тяжестью бугорки уходили в воду, пришлось продолжить своё движение вперёд. В конце концов он добрался до твёрдой почвы под ногами поблизости полузатонувшего модуля и решил остановиться отдохнуть. Обильный пот и тепло его тела привлекли кровососущих тварей. Они роились подле, угрожая напасть. Арсену нужно было срочно спастись от непрошенных гостей. Он через силу продолжил движение, тяжело дыша и роняя большие капли пота и слюны в коричневую болотную жижу. Приблизиться к кораблю вплотную ему не удалось – его окружало вонючее месиво с затянувшейся трясинной и мелким кочкарником; страшный гул вырывался из глубины трясины. Арсен был смельчаком, но не самоубийцей. Обежав модуль и запомнив положение окружающих его кочек, юноша повернул обратно. Довольно скоро он рухнул на обжитый островок, отрывисто дыша, потом перевернулся, широко раскинув ноги и руки.

«Я-то думал, что в хорошей физической форме» – констатировал горе-путешественник.

Арсен сразу ощутил присутствие ещё кого-то поблизости, почувствовав на себе чей-то взгляд. Резко приподнявшись, он обернулся и увидел два глаза, в которых отражался яркий солнечный свет. Массивные лапы расплёскивали болотную жижу, но ступали осторожно, без малейшего шума; короткая, мокрая шерсть отливала глянцем; туловище наклонилось вперёд, как перед прыжком, а хищные глаза следили за каждым движением человека, одновременно контролируя местность; хвост волочился сзади, облепленный тянувшейся на несколько метров тinou. Но что больше всего поразило юношу, так это реплика, молниеносно, чётко отозвавшаяся в голове:

– Здравствовать желаю!

У путешественника перехватило дыхание. Он не смог ничего сказать, а только закивал в ответ, впрочем, ответ был не важен.

– Ты что осматривал? – снова промелькнуло в голове.

– Ты кто?

– Зверь, Лесник.

– Я – человек. Меня зовут Арсен, – прошептал путник.

Мощные передние лапы резко выскочили из топкого плена и оказались на обжитом бугорке, за ними последовали задние лапы и хвост. Животное отряхнуло лапы, затем резким движением сбросило с себя весь налипший лишайник, тину и приблизилось к человеку.

– Пахнешь хорошо, – отозвалось в голове, – оправился.

Обнюхав периметр кочки, волк улёгся, заняв собой половину освоенного пространства.

– Человек, зверь – не путать. Теперь – хороший человек – хорошо нюхать. Много ночей человек – болезнь, плохой человек, ходящий к вратам духов. Я думал, заберут, боролся – Арсен остался. Лесник много бегал, много собирал червей... помогают Леснику. Лесник помог Арсену.

Тут волк вскочил и одним прыжком очутился подле своего гостя. Шершавым, влажным языком принялся лизать щёки и лоб. Его дыхание показалось до боли знакомым – прелых сладких кореньев, мяты, лимонника и чего-то ещё собачьего. Это не вызывало никакого отвращения, напротив. Арсен осторожно, но с удовольствием подставил своё лицо, а потом и руки.

– Хороший Лесник, хороший, – мысленно сказал он волку.

– Зачем телепатируешь – разве не чувствуешь?

– Мне хорошо.

– Тебе хорошо – Лесник хороший?

– Да.

Тогда хищник укусил его за руку, из небольшой ранки брызнула кровь. Человек отскочил, но отступать было некуда, свалился в воду и начал погружаться в неё... Почувствовал себя ужасно глупо и в опасности – понял, что попался. Волк медленно подошёл и вызывающе спросил:

– Кто Лесник?

– Помоги! Помоги-и-и-и! – прокричал Арсен.

От его крика слетели с насиженных мест здоровенные чёрные птицы.

– Кто Лесник?

– Я не знаю! Помоги-и-и-и!

– Знаешь!

– Волк!

– Нет!

– Друг!

Зверь схватил утопающего за рукав и одним взмахом бросил на кочку.

– Я – друг. Ты дружишь.

– Согласен, – подумал спасённый.

– Не отвечай много, достаточно нюха.

– Ты спас меня, а теперь сделал больно? – телекинировал последний.

– Больно не было – опасно.

Животное растянулось на прежнем месте и стало внимательно наблюдать за новым спутником. Арсен осторожно снял рубашку, постоянно поглядывая на хмурого соседа, стараясь делать это как можно осторожнее. Его руки и тело были облеплены кровососущими гадами. Беднягу передёрнуло и, кривя рот и бормоча что-то сквозь зубы, он стал сдирать с себя мерзких тварей. Волк исподлобья спокойно наблюдал за искусанным человеком.

– Делать правильно-о-о-о... – заключил монстр и одним прыжком оказался на другом бугорке.

Арсен изумился, но был занят борьбой с гадами – тут не до волка, если гигантского телепата можно так назвать.

«Ну вот и познакомились. Странная встреча».

Так путешественник скоротал день до вечера – обрабатывая и залечивая раны.

Пасмурное небо лениво нависло над трясиной, заполнив пространство неподвижными свинцовыми облаками и заливая бескрайнюю даль рассеянным светом. Человек натянул навес над всей прогалиной и принялся разжигать посреди обжитого места костерок. Пришлось защитить занявшийся огонёк ладонью – ветер ощутимо продувал гать. И вдруг где-то из глубины болота раздались стоны, взывающие о помощи. Арсен оглянулся по сторонам, но дождь приглушил доносящиеся звуки. Испугавшись, человек старался посильнее раздуть занявшееся пламя, подкладывая в костёр побольше мха. Огонёк повеселел, затрещал, загудел и вспыхнул, начав наконец отдавать тепло. Арсен довольно сложил руки на груди, рассматривая пламя, мерцающее зелёными, синими, оранжевыми огоньками.

– Да, это, скорее всего, очень богатая земля, – констатировал Арсен. – Во всяком случае, железа в этой земле хоть отбавляй.

Потом из стены дождя, по правую сторону от юноши, появился силуэт собаки-волка. Человек насторожился и приготовился к появлению гостя. Оно не заставило себя ждать – через секунду волчара был уже под навесом, не церемонясь, отряхнулся, потом комфортно разлёгся и принялся чистить передние лапы, не обмолвясь ни одной мыслью. Дождь продолжал барабанить по поверхности прелого зыбуна. Посвежело. Запахло багульником. У юноши закружилась голова, и он прилёг по другую сторону костра. Он тихо лежал, наблюдая то за волком, то за

дождём, иногда оглядываясь по сторонам, прислушиваясь к раскатам гула и учась определять, откуда может исходить опасность.

Прошло какое-то время; капель часто звенела по мутной воде, и ему на мгновение почудилось нечто знакомое, как будто он уже проживал эти минуты.

– Déjà vu, – как будто не впервые, как будто эта здоровенная животина была неотъемлемой частью жизни, послушная и мудрая, какой кажется сейчас.

– Нравится – меня думать.

У Арсена расширились глаза от неожиданности.

– Ты подслушиваешь?

– Ты думать – Лесник слушать. Ты слышать?

– Только костёр и дождь.

– Я – слушать тебя. Интересно слушать. – Волк тяжело вздохнул и, отвернувшись от человека, закрыл морду лапами. – Лес шумит, духи, страх у чёрных птиц, большой змея сидит возле, слушает, греется, хорошо, змея слушать злых духов.

Арсен с ужасом оглянулся, но не нашёл никого.

– Человек не слышать – глухая птица, змея чувствовать хорошо.

Потом он пополз по периметру, прижавшись к пригорку, и через секунду в его пасти кольцами извивалось обезглавленное змеиное тело.

Он положил добычу возле костра и примостился подле:

– Белые черви, Арсен – есть.

– Спасибо, друг, – поблагодарил вслух человек.

– Когда говоришь, прячешь – тяжело понять. Не говори – слушать и отвечать. Нет паутины. Арсен понимать тогда легко... Арсен падать, теряться. Зверь искать, вытаскивать, держать, отгонять, много злого, духов. Ты понятен, понятый. Теперь ты закрыться. Зачем?

– Я никогда этого не делал, мне тяжело сконцентрироваться и передать.

– Глупый. Ни передавать, ни концентрироваться. Отвечать – не болтать вслух. Волк понимать, волк передавать.

– Один раз ты меня уже понял – я оказался в болоте! – молниеносно передал собеседник.

Тут зверь разразился таким хохотом, какого Арсен не встречал даже у самого большого весельчака факультета, а уж их там была пропасть. Всё смешалось, он схватился за голову и скорчился от гогота. Волк прекратил издевательство.

– Хорошего понемножку, – сказал человек, чтобы разрядить ситуацию, но животное в углу уже грело лохматую спину, отвернувшись от человека. Вскоре зверь засопел, подвывая и поскуливая, тяжело вздыхая и изредка подёргивая во сне лапами.

«Быстрая, проворная животина, умная и, главное, – особенная. С тобой не соскучишься, Серый, – подумал Арсен, – надо бы мне к тебе приспособиться, иначе с тобой не пропадёшь, но горя хлебнёшь».

Молодой человек ещё немного посидел возле полыхающего костра, боясь прикоснуться к всё ещё извивающейся чешуйчатой гадине. Решил повременить, хотя у него давно текли слюнки, в желудке бурчало – давно пора было съесть хоть что-нибудь.

Временами молодому человеку казалось, что пространство возле волка заполнялось прекрасной картиной: образом необычной женщины с громадными синими глазами, одновременно печальными и весёлыми, излучавшими любовь ко всему вокруг. Но видение очень быстро растворилось в чёрной воде и превратилось в густой туман, обволакивающий бескрайний лес, и какие-то ржавые ворота. Потом Арсену стало просто страшно, и он решил не вторгаться в пространство спящего, к тому же змеиная тушка перестала подавать признаки жизни – «запросилась» на жарку. Человек осторожно потыкал её ножом, оценивая на съедобность, и удостоверившись, что белок съедобен, стал с удовольствием разделять её, нанизывая на заранее приготовленные ветки, напоминающие стебли камыша, срезанные рядом. Очень быстро

жаркое зашипело, от него посыпались искры, и вокруг костра распространилось аппетитное благоухание. Торопясь и обжигаясь, Арсен жевал сочное мясо с хрустящей, хорошо зарумянившейся корочкой, которое буквально таяло во рту.

«Замечательный, божественный вкус, уж на что я гурман, но такого ещё не едал», – и вдруг поймал себя на мысли, что не произнёс, а телепатировал.

Это произошло само собой, без какой-либо предварительной мысленной концентрации. Мир взорвался на мелкие осколки, и между ними уже не было недосказанности, неясности, размытости. Всё приобретало окраску, очертания и смысл там, где раньше они не могли существовать. Вдруг мозг Арсена напрягся, он забеспокоился – нет ли тут какого подвоха, а вдруг мясо змеи содержит какие-нибудь галлюциногены? Но ничего этого не было, Арсен проверил его дважды.

«Значит, волк – проводник в мир того, чего быть не может».

Он с благодарностью посмотрел на своего друга, а тот лишь поворачивался с боку на бок, что-то судорожно вынюхивал во сне и продолжал спать, уткнувшись мордой в мягкий лишайник. Обескураженный увиденным, новоиспечённый телепат не мог заснуть. Он сидел возле костра, медленно доедая поздний ужин, размышляя о том, что с ним произошло, ещё может произойти и есть ли у него шанс вернуться. Он постарался сосредоточиться и подвести итог сегодняшнему дню и, к сожалению, отметил, что, возможно, уже никогда не узнает правду о том, что произошло на Сарыче. Ему чётко – до мелочей – представилась вся нереальность задачи по добыче бортового журнала из недр болота. Но это уже мало волновало, главное – выяснить местоположение приземления, чтобы выбраться из передраги...

Ветер отнёс облака далеко за горизонт, но жидкий туман продолжал застилать гиблую глушь. Она хлюпала и клочкотала, время от времени слышались далёкие раскаты грома. Молнии продолжали освещать трясину, пронизывая сумрак, оставляя после себя ощущение безысходности ситуации. При их сверкании Арсену мерещились неясные силуэты, то и дело мелькающие на гати. От этого у него по коже бежали мурашки, он прислонился к спине волка, мирно посапывающего у костра.

«Как мне в голову не пришло, – подумал Арсен, – волк не боится костра, и даже наоборот – пользуется его теплом, ай да Серый!»

Мысль о новом, хотя и необычном друге ему понравилась. Было уютно сидеть в забытом богом месте под навесом у мирно горящего костерка и чувствовать эту огромную лохматую дружескую спину, если не принимать во внимание всё остальное. Человек решил во что бы то ни стало подружиться с волком: найти его слабые и сильные стороны и наладить максимально позитивный контакт. Он сразу же перешёл к делу через чтение снов.

Новоиспечённому телепату пришлось долгое время настраиваться на волчью волну, но зато потом от снов не было покоя до самого утра. В любом случае он не смог бы заснуть после того, что «принял»...

Человек видел много коридоров – громадных, залитых ярким светом, и маленьких, с тёмными закоулками. Коридоры очень быстро меняли размер: с маленького на большой, с большого на маленький – всегда строгая геометрия. Подобная конструкция могла бы существовать только у высшей цивилизации. Череди коридоров неслась перед его взором долго, и новоиспечённый телепат даже подумал оставить это занятие, но ему повезло – в последний момент, когда уже он окончательно намеревался покинуть сны, спящий волк внезапно нашёл, что искал: большие светлые здания раздвинулись и открылась дорога куда-то в зелёный свет. Хищник начал приближаться к зелёной точке. Она стала увеличиваться в размерах и превратилась в реликтовый лес с шелковистой мягкой травой, ярко-зелёным мхом, растущим повсюду, и гигантскими деревьями, стволы которых были обвиты толстыми стеблями изумрудных лиан. Тёмные блики теней перемешивались с пятнами яркого света – всё блестело, переливалось, трепетало, как будто разговаривало. Потом бегущий волк оказался на поляне. Её цвета были

настолько сочными и яркими, что казались нереальными. Волк подошёл к появившейся ниоткуда девушке, которая словно была соткана из сияюще-белого цвета или пронизана им. Он уже видел этот взгляд раньше: радостный, добрый, но одновременно печальный и нежный. Молодая девушка обняла волка за шею. Так они простояли долго, слушая биение своих сердец. Потом хищник посмотрел девушке в глаза. Она улыбнулась и поцеловала его в серую горячую морду. Поцелуй Арсен ощутил и на себе – сдержанный, просящий о прощении. После поцелуя всё исчезло, погрузилось во мрак. Волк опять пустился бежать по лабиринтам коридоров, ошалев от горя и одиночества, в вечном поиске своей цели.

«Венценосная!!!» – ударило колоколом в мозг.

Читающий сны вздрогнул так, что чуть не свалился в потухающий костёр.

Стояло великолепное золотое утро. Влажный туман был пронизан лучами восходящего солнца, вода переливалась золотом и искрилась отблесками багрового зарева. Арсен от удовольствия потянулся, широко зевнул. Потом осторожно прилёг подле волка; тот был горяч, космат и пахнул болотом. И уже проснулся. Лениво вытянул задние лапы, потом отпихнул пристроившегося соседа в другую сторону пяточка.

– Ну у тебя и манеры... – стараясь не обидеть волка, передал Арсен.

– ...Утро – хорошо. – Хищник одним прыжком освободился от общества товарища по несчастью.

«Только его и видели!» – подумалось молодому человеку.

И как-то совсем неожиданно для себя получил новое сообщение:

– ...сидеть на месте, некуда бежать – жда-да-да-ть...

Юноша прошёлся по периметру пригорка, чтобы размять ноги, убить время и, возможно, дожждаться новых сообщений. Но их не последовало. Тогда он принялся за ревизию скудных запасов еды и воды.

«Да, не густо. Воды хватит ещё на несколько дней, а потом придётся использовать искусственные очистители. Удастся ли убрать радиоактивность или ещё какую-нибудь дрянь? В моём случае, – продолжал думать он, – лучше довериться волку, во всяком случае, упрямый наглец разбирается в этом вопросе лучше, чем я. Надо отдать ему должное – если бы не Серый, где бы я сейчас был?» От этих умозаключений ему стало совсем тяжело и печально.

Пришлось взбодриться кофе. Арсен засуетился у костра, собирая мох про запас, пока ещё светло. Потом долго ждал, когда закипит вода, и наконец принялся колдовать возле крохотной кастрюльки. Густой ароматный запах приятно защекотал ноздри. У путешественника поднялось настроение, и впервые за утро он улыбнулся новому дню. Потом он удобнее устроил навес и уселся коротать время, прихлёбывая кофе и жмурясь от яркого солнечного света.

– Да, время здесь идёт очень быстро, даже стремительно, или это мне кажется?

Стало жарко, солнечные зайчики играли на болотной траве и воде. Тина куда-то пропала. Болото превратилось в чёрный глянec, сверкающий на солнце. Тёплый ветерок приятно шевелил пряди волос и ласкал лицо, грудь дышала насыщенными испарениями. Тишина и спокойствие – будто и не было тяжёлых дней в глубоком космосе и случившегося на корабле. Мозг Арсена настойчиво пытался вернуться в прошлое и добраться до сути вещей, но пришлось отогнать назойливые мысли, заставляя себя думать только о будущем. Молодой человек позволил себе маленькую радость: видеть в положительном свете всё, что только можно. Первооткрыватель планеты строил жизнь несмотря ни на что – методично, чётко, строго и, прежде всего, позитивно. Никакой жалости к себе, никаких тяжёлых мыслей и отрицательных эмоций. Арсен был поражён тем, что сказал волк, и теперь следовал его наказам, вытаскивая себя из ада.

Так юноша коротал время, прихлёбывая кофе, обхватив кружку руками, как когда-то на рыбалке со стариком Робертом на осенних промозглых болотах. Он настолько отвлёкся, что мысли перенеслись в какое-то другое измерение, потом вырвались и заполнили неболь-

шое пространство. Арсен впервые почувствовал материальность мыслей, ясно заполнивших маленький пяточок и даже уходящих за его пределы.

– Тише, уши умеют слушать, слышать.

– Серый?

– Я – Лесник.

Волк позволил ему видеть всё то, что видел сам. Арсен не верил своим глазам, и даже не думал, что подобное возможно!

Он увидел волка, роющегося в какой-то яме под низким гротом, там, где кишела, бурлила и будоражила слух неведомая жизнь. Хищник энергично подгребал под себя землю мощными лапами, не оставляя белым, жирным, но проворным личинкам никакого шанса спрятаться в глубине. Он вытаскивал их из нор, прокусывал и проворно, точным движением головы, кидал на небольшую горку. Личинки шипели, ворочались, но не могли сдвинуться с места падения. Волк же зарывался всё дальше и дальше...

Арсен наблюдал за животным до вечера, вернее, он видел только чёрную дыру и слышал кишение личинок. К вечеру, с наступлением тумана, оно схватило всю добычу в гигантскую пасть и кинулось прочь. Арсен не смог разглядеть, что окружало бегущего. Он пустился наутёк, как стрела, и сканирующий ощутил его страх. Волк бежал довольно долго... На мшару опустилась ночь, человек услышал бурчание живота и почувствовал, как засосало под ложечкой, но с интересом продолжал следить за бегущим. Тот одним прыжком кинулся в какой-то очень тёмный туннель и пропал...

Человек забеспокоился, подбросил мха. Костёр разгорелся, весёлые огоньки осветили пяточок и его окрестности. Одиночество продолжалось недолго, и в какой-то момент Серый вынырнул как из-под земли. Юноша почувствовал его присутствие, резко повернулся, но волк уже срыгнул подле костра ужин для своего спутника.

– Еда, – его огромный хвост радостно завилял.

Лицо спутника исказилось – волк немедленно почувствовал его отвращение, с обидой поджал хвост. Молодому человеку пришлось взять себя в руки:

– Спасибо, я их приготовлю по-своему. Хорошо?

– Ел так.

– *Transeat a me calix iste*, – но тут же спохватился и передал очень быстро, – раньше я был болен, не мог ходить и даже двигаться, теперь я хожу и могу приготовить ужин самостоятельно.

– Я сыт – ты думать.

Арсен промыл личинки от волчьего желудочного сока, нанизал их на приготовленные шампуры, сделанные из каких-то тонких стеблей, и расположил над огнём. Огонь мгновенно охватил громадных жирных личинок, закапал сок, и маленькие ножки гусениц превратились в чёрные точки. Пошёл запах жареного мяса, и юноша снял еду с костра. Он разордал первое обуглившееся тельце, внутри оказалась белая сочная мякоть, приятно и сильно пахнущая. Арсен попробовал. Вкус удивительный... после нескольких десятков поджаренных личинок пришло полное насыщение, было ощущение, что он пировал всю ночь. Такого чувства сытости человек никогда не испытывал. Затем его охватила лень. Арсен сладко зевнул, подбросил мха в горящий костёр, чтобы хватило до утра, и улёгся спать подле храпевшего Серого.

Даже здесь, на краю света, Арсен не изменил привычке перед сном анализировать произошедшее за день. Вот и сейчас он лежал, вспоминая, анализируя, но постепенно почувствовал приятную негу в руках и ногах. Он отогнал мысли и стал смотреть на небо, как любил делать с самого раннего детства. Глубокая завораживающая Бездна манила своим безмолвием и таинственностью. Не слыша его, Арсен чувствовал набат Вселенной, взывающий к нему через миллионы парсеков реликтовых излучений. Он упивался гармонией зова, и если бы существовала такая возможность, то не раздумывая отдал бы всего себя, чтобы слиться с вселенским звучанием воедино – так он любил это пространство: холодное – но напряжённое, жестокое –

но правдивое, безграничное, но зовущее и вездесущее. Ещё мальчиком он забирался на самую высокую точку шахты и взывал к небу, молясь ему с безудержно-страстной любовью, на какую только было способно маленькое сердечко. Потом Арсен узнал безграничную любовь отца и искреннюю, даже чрезмерную заботу, но его всегда притягивала леденящая душу пропасть – молчаливая бездна, говорящая с ним на одном, только ему понятном, языке. Он внимал словам, отвечал клятвами, зная, что она с ним заодно, – они были единым целым, как два неразделимых мироздания. И сейчас, лёжа посреди бескрайних болот, пронизанных высокими радиационным и гравитационным полями, молодой человек снова и снова отдавал своё сердце загадочной Бездне. Он был не один – а с нею заодно. Страх не было...

Глава 8

Nunquam retrorsum, semper ingrediendum⁴¹

Страх не было... Было недоумение, помноженное на сомнение. Была печаль в факториале безысходности...

– Почему я?

– Почему все остальные погибли?

– Почему я осталась в живых? Почему? Почему? Почему?

В молодой женщине пламенела осень; нет, она не вальсировала в водовороте празднично-яркой падающей листвы, на фоне ясного «bleu royal»⁴², не окутывалась паутиной чарующего и улаждающего взор купания в бабьем лете и не пела последние волшебные серенады, взывая к величественности, покою в предстоящем будущем. Нет! Ничего этого не было! Это была взорвавшаяся, сумасшедшая, рвущая на части всё – буквально всё, даже саму девушку, сгоревшая чёрная осень; воняющая смрадом обугленных тел вечных друзей, пронизывающая каждую клеточку тела то ли леденящим холодом, то ли невыносимым ужасом, а может быть, и тем и другим вместе. И даже хмуро-пасмурный ноябрь казался благородно-серым, сдержанным и всеобъемлющим по сравнению с тем состоянием, в котором находилась девушка. Нет, слёз не было. Криков, всхлипывания, ничего такого – обугленность чёрной осени... Девушка сидела на корточках и медленно, ритмично раскачивалась, уставившись на осколок люка брошенного модуля посреди россыпей озёр в какой-то горной местности. Ветер играл золотистыми прядями, а остановившиеся изумрудные глаза пристально смотрели в одну точку. Она не моргала, глаза слезились; влага замерзала мгновенно, превращаясь в сосульки – замёрзшие ручейки стекали по обветренным щекам.

Позади остались метания, безумие, отчаяние и раздавленность. Воцарилась чёрная осень. Навсегда!

Ни благородства, ни благодарности, ни величия – всё смыто волной отчаяния, подавленности и немоты... В этом ступорном состоянии всё, что не уничтожил огонь, оцепенело, и так бы и осталось навсегда посреди безымянной гряды, если бы не мучительное ощущение в спине, притупленное душевной болью, но вдруг вспыхнувшее из-за пореза, идущего через всю спину. Мозг лихорадочно заработал, не обращая внимания на растерзанную душу, окровавленную чёрной осенью. Мощные толчки боли взорвались в голове, отбросив душевное страдание на второй план, и заставили девушку с трудом обернуться. Она посмотрела через плечо, зрачки мгновенно расширились – киллур. Тот остался недоволен первым нападением; сопротивление высокопрочного материала, облачавшего худощавое тело, защитило от смертельного удара. Зверь встал на задние лапы и издал ужасный вой. Эхо разнесло его по всему горному хребту, где-то далеко отразилось в чем-то гигантском и твёрдом и возвратилось с ещё более устрашающей силой, подобно мощным раскатам грома. Девушка медленно обернулась и спокойно попятилась; ей надо было выиграть время, стараясь не раздражать нападающего. Монстр продолжал угрожающе рычать, переступая с лапы на лапу, царапая когтями камень и готовясь к смертельному прыжку. Девушка посмотрела убийце прямо в глаза – схватка была неизбежна,

---

⁴¹ «Ни шагу назад, всегда вперёд».

⁴² Королевского голубого.

несмотря ни на что, здесь и сейчас, в это самое мгновение. Пристальный взгляд зверя сверлил жертву, налитые кровью глаза были безумны, в них читались жажда крови и предвкушение скорой победы. На мгновение девушке показалось, что монстр замышляет какую-то жестокую игру, с яростью готовясь к предстоящей борьбе. Из пасти чудища текла обильная слюна.

«Он не просто убьёт, а будет делать это долго и с наслаждением, заставив умирать в медленных мучениях. Будет терзать тело и упиваться не только моей кровью, но и моим страданием. Однако и умён же он – видно, что разработал тактику нападения!»

Секунда показалась вечностью...

«Дальше всё будет зависеть от моих рефлексов, проворства, интуиции, а главное – от твёрдого намерения выиграть», – пронеслось в голове.

Первые же мгновения должны были стать решающими в этой схватке.

В ней проснулся зверь. Она поняла, что так просто не сдастся не только киллуру, но и всему, что окружало, исключительным обстоятельствам, в которых она оказалась, чего бы это ни стоило. Перчатка брошена всея и всему – в душе звучал призыв продолжать дело братьев и отцов, несмотря ни на что. Она поняла, что настал самый важный момент в её жизни. Зверь – это вызов! Всё было спланировано ещё до её рождения, заложено и тщательно отработано во время обучения, проверено сотни тысяч раз, чтобы уйти в забытье именно до этого единственно важного момента. Настало время для использования всего накопленного потенциала. Она стояла перед зверем, пристально наблюдая за ним. Схватка обещала быть жаркой, беспощадной и мгновенной, как последний аккорд внезапно лопнувшей струны.

До прыжка киллура юная воительница успела оценить всю окружающую местность. Справа поблёскивали озёра и дверь разбитого модуля примерно метрах в пятидесяти-шестидесяти ниже по склону. Это была тяжёлая металлическая масса с острым торцом. Слева простиралась залитая светом равнина, изрытая мелкими кратерами, за ней виднелся горизонт, кое-где затемнённый массивными облаками; девушка попыталась представить себе участок сзади, но чтобы не ошибиться, она решила во что бы то ни стало сманеврировать, чтобы получить возможность внимательно осмотреть его. Перед нею стоял громадный монстр. Звериный оскал сверкал на солнце, и длинные рыжие космы развевались под порывами серного ветра – позади него простиралась серая гладь.

«Видно, он уже какое-то время охотился за мной, изучал, готовился... Долина – справа, модуль – слева, сзади – возможно, обрыв, яркий солнечный свет и...» – последовал моментальный гигантский прыжок.

Завязалась ожесточённая борьба – не на жизнь, а на смерть. Она резко отпрыгнула в сторону, скатилась по скалистому склону и кинула изучающий взгляд назад, одновременно схватив острый увесистый камень. Киллур резко остановился, раздался звук когтей, скребущих каменную плиту.

«Там пропасть», – мелькнуло в голове молодой амазонки.

Зверь не ожидал такого отпора – не всякий способен вступить в схватку с хозяином местности – а может быть, был слишком молод. Но не прошло и доли секунды, как он мощным броском кинулся на девушку. Промаяхнулся. Солнечный свет ослепил его. Тем временем она уже стояла с другой стороны и метнула большой острый камень, который попал ему в глаз. Хищник издал яростный вой, но не кинулся на противницу, а завертел головой, пытаясь смахнуть густую чёрную кровь, заливающую глаз. Девушка воспользовалась этим и кинула ещё один камень в голову киллура. Он отпрянул, но не стал отпускать жертву, удерживая её на краю пропасти. Она тоже заняла выжидающую позицию, прикидывая возможные ходы коварного монстра. Воительница понимала, что хищник не намерен ждать: «Слишком уж жаждет крови, вот-вот кинется на меня. Надо сделать так, чтобы он промахнулся и свалился вниз...»

Она улучила момент и посмотрела вглубь каньона. В его извилистых коридорах свистел ветер; кратер был окутан каким-то густым серным испарением, до люка модуля по-прежнему

оставалось далеко, да и что это могло дать – такого зверя сложно загнать на острие металла. Дождаться темноты было ещё опаснее – хищники более проворны ночью. Остальные камни находились вне досягаемости, поэтому молодая амазонка решила действовать на свой страх и риск, надеясь на прочность защитного костюма.

Мгновенно повернувшись друг к другу, два гибких тела застыли в готовности продолжить борьбу. Зверь оценил возможности противницы и решил как можно скорее завершить схватку, но того, что последовало, никак не ожидал. Через секунду, схватив небольшой камень, девушка мощным прыжком вскочила на хищника. Как будто угадав её намерение, он моментально подскочил, но она успела попасть камнем во второй глаз, он же разорвал ей одежду и вспорол живот. Оба тяжело упали, ударившись о камень. Зверь молниеносно ответил вторым прыжком, пытаясь застать девушку врасплох, но она ждала этого и была готова. Несмотря на распоротый живот, она кинулась в пропасть, солнце ослепило животное, оно полетело за ней и кануло в бездну.

Несчастной удалось каким-то чудом вырваться из смертоносных объятий хищника, но с ужасной раной, нанесённой острыми как бритва когтями. Девушка висела над пропастью, чувствуя, что руки вот-вот ослабнут и она полетит вслед за зверем. Одним рывком, преодолевая боль, она подтянулась из последних сил, оставляя багровый след на холодной каменной поверхности. Потом позволила себе передохнуть несколько секунд и, придерживая тяжёлый, будто набитый камнями, окровавленный живот, со стоном заставила себя встать и из последних сил броситься к отсеку разбитого модуля. Она падала, поднималась и снова падала; в голове билась единственная мысль: «Бегом, бегом в модуль, не останавливаясь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.